

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АРАБСКОМ МИРЕ**

Препринт WP18/2011/06

Серия WP18

Права человека в современном мире

Москва
2011

УДК 342.7
ББК 67.400.7
К90

Редактор серии WP18
«Права человека в современном мире»
А.Л. Рябинин

К 90 **Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в арабском мире** : препринт WP18/2011/06 [Текст] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 60 с. – 150 экз.

Настоящий препринт является шестым из серии «Права человека в современном мире», разработанной кафедрой всеобщей и отечественной истории Высшей школы экономики при поддержке филиала Фонда Фридриха Науманна в Москве.

В работе рассматриваются различные аспекты прав человека, пожалуй, в самом «оппозиционном» европейской идеологии прав человека регионе – арабском мире. Особый акцент в этой связи делается на рассмотрении арабо-мусульманской идеологии прав человека в контексте «арабской весны» 2011 г. Предприняты попытки прогнозирования дальнейшего развития данного вопроса с учетом трансформации политической системы во многих странах региона.

УДК 342.7
ББК 67.400.7

**Издание серии препринтов
«Права человека в современном мире»
осуществляется при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)**

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Вступительное слово

А.Ю. Сунгуров

Я хотел бы сказать в качестве вступления, что в отношении концепции прав человека сегодня существуют и широко обсуждаются два подхода – универсалистский и партикуляристский, в зависимости от того, рассматриваем ли мы это как нечто международное или конкретное.

Сегодня на международном уровне господствует универсалистский подход, в соответствии с которым все уже сформулировано в Декларации прав человека и в других документах ООН, в соответствии с которыми соблюдение прав человека – общая цель для всех наций – членов ООН. Другая точка зрения, партикулярная, нашла выражение в заявлении американской Ассоциации антропологов 1948 г., в которой выражался протест против принятия всемирной Декларации прав человека. Этот протест обосновывался тем, что принятие такой декларации нарушает равенство культур и принцип признания за каждой культурой своих закономерностей развития и своих принципов права.

Потом антропологи сняли, как известно, это возражение, но сама идея остается. Можно ли какие-то стандарты, принятые в определенной части цивилизации, с корнями англосаксонскими и протестантскими, распространять на все страны? С одной стороны, вроде бы очевидно, что нельзя, с другой стороны, необходимы стандарты (хотя бы те основания, на которых основывался Нюрнбергский процесс). Если отвергать универсальность прав человека, то придется реабилитировать лидеров нацистской Германии, казненных по решению Нюрнбергского процесса.

Споры идут постоянно, и они имеют прямое отношение и к недавним событиям в арабских странах. Мы собрались здесь вскоре после гибели Каддафи, причем непонятно, как он погиб и от чего (если его взяли в плен живым, то как его нашли мертвым?). Отметим, что в России симпатии к Каддафи и к его режиму были очень сильны – как в прессе, так и среди определенного круга блогеров. С их точки зрения, все, кто боролся в Ливии за права человека – лишь наемники Запада, который использует риторику прав человека для уничтожения вольнолюбивого ливийского народа во главе с его подлинным лидером Каддафи.

Я никак не могу согласиться с таким подходом. Моя позиция такова, что эту тему нужно изучать и спокойно обсуждать в академической среде, *что* из всемирных стандартов, принятых за универсальные, соответ-

ствуется ожиданиям и чаяниям народа, *что* соответствует его культурным традициям. И в то же время надо понимать, что есть некий уровень взаимодействия, некий уровень консенсуса, достигнутый после Второй мировой войны, когда державы объединились в ООН, признав необходимым соблюдение прав человека.

Сама идея этого проекта связана со спокойным обсуждением прав человека и как концепции и как феномена, влияющего и на международную, и на внутреннюю политику. Обсуждением, как эта концепция соотносится с культурными традициями стран и как отрицание универсальности прав человека приводит к утверждениям авторитарных лидеров, что они лучше своего народа знают его потребности и что их народ ни в каких универсальных правах человека не нуждается.

Повторяю, сама идея проекта, где на каждой дискуссии появляются новые участники, – это попытка выйти в своих изысканиях за пределы жесткого универсализма, не скатываясь при этом в партикуляризм.

Поиск золотой середины – в этом, мне кажется, заключается суть академического обсуждения. Я очень рад, что это поддерживают Фонд Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung) и мои коллеги в московской Высшей школе экономики. Самое главное – это расширение самого курса прав человека, выход обсуждения этой концепции за пределы некоего достаточно узкого профессионального правозащитного сектора.

Глава 1. Извилистый путь к обеспечению гражданских свобод в Турции

В.И. Шлыков

Хотя Турция и не принадлежит к арабскому миру, но она тесно связана с ним исторически, так как большинство ныне независимых арабских стран в свое время входили в состав Османской империи; культурно и ментально, ибо все они относятся к ареалу исламской цивилизации. Кроме того, после провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. новое государство стало для всех стран Ближнего и Среднего Востока моделью для подражания в области проведения политики модернизации и секуляризации. Особенно это справедливо в XXI в., когда Турция ставит перед собой большие задачи и демонстрирует стабильное и устойчивое экономическое развитие, а также одновременно переживает процесс избавления от наследия военного режима 1980-х годов, за которым пристально следят как в странах Европейского союза, куда Турция стремится, так и в странах арабского мира. Можно без преувеличения сказать, что процессы демократизации турецкого общества оказали влияние и на течение событий «арабской весны». Таким образом, рассмотрение вопроса о положении с правами человека в арабском мире, в принципе, невозможно проводить, не принимая во внимание фактор Турции. Тем более сейчас, когда все чаще говорят о таком явлении, как неоосманизм.

Сложная картина встает перед нами, когда мы пытаемся оценить положение с гражданскими свободами и правами человека в современной Турции. С одной стороны, налицо явный прогресс в этой области по сравнению с 80–90-ми годами, а с другой – попытка их ограничить, поставить в жесткие рамки. Все происходит примерно так, как в известной работе В.И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». В то время как правящая с ноября 2002 г. происламская Партия справедливости и развития во главе с ее харизматичным лидером Реджепом Тайипом Эрдоганом частично изменяет Конституцию, принятую еще при военном режиме в 1982 г., расширяя рамки демократии, продолжается практика проведения на основании законов о борьбе с терроризмом произвольных арестов, преследований и выдвижения обвинений в адрес политических оппонентов, выражаясь словами из знаменитой книги Дж. Оруэлла «1984», за так называемые «речепреступления». Так, в 2010 г. Европейский суд по пра-

вам человека (ЕСПЧ) дважды вынес судебные определения в отношении Турции за использование антитеррористического законодательства для запрещения периодических изданий, классифицируя это как цензуру и нарушение свободы слова.

В свете этого в последнее десятилетие вопрос прав человека занимает довольно значительное место в общественно-политическом дискурсе. В самой Турции существуют проблемы, которые действительно серьезно затрагивают эти права. Хотя их, вроде бы, и не должно быть, так как теоретически права человека в Турции были защищены многочисленными международными правовыми актами, за которыми, согласно ст. 90 Конституции, принятой еще военным режимом, признается приоритет. Но иное было в реальности.

Эта страна достаточно специфична. На протяжении последних десяти лет (особенно после 2002 г.) она делает шаги в сторону принятия западных стандартов в области прав человека. Это вполне объяснимо, потому что в 2004 г., когда она была объявлена страной – кандидатом на вступление в ЕС, были выдвинуты определенные критерии (известные как Копенгагенские) – своего рода планка, которой должна соответствовать Турция. Вследствие этого в области соблюдения прав человека мы наблюдаем достаточно радикальные изменения. Таким образом, столь крупные изменения в области гражданских прав Турции стали возможны лишь благодаря влиянию внешнего фактора в лице ЕС. На протяжении почти двух последних десятилетий XX в. процесс избавления от тяжелого наследия военного режима происходил достаточно медленно, и к нынешнему положению турецкое общество в результате естественной эволюции подошло бы, скорее всего, гораздо позднее. Ибо не было бы мощного стимула, способного преодолеть сопротивление консервативного кемалистского истеблишмента в лице военно-гражданской бюрократии. Сейчас же, как говорил в свое время последний Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, «процесс пошел».

Об этом свидетельствует ряд событий. Самые крупные – это, в частности, референдум по внесению изменений в Конституцию, состоявшийся 12 сентября 2010 г., когда были приняты существенные поправки Конституции 1982 г. (разработанной военным режимом, который пришел к власти 12 сентября 1980 г.). Благодаря одобрению большинством населения страны (58% – «за»), в Конституцию 1982 г. в очередной раз за последние двадцать лет внесены многочисленные изменения. В основном они направлены на приведение Конституции Турции в соответствие со

стандартами Европейского союза. Сторонники членства Турции в ЕС надеются, что конституционная реформа ускорит процесс принятия. В частности, поправки еще больше ограничивают влияние армии на политическую и общественную жизнь: роль военных трибуналов будет значительно уменьшена, а юридическая неприкосновенность организаторов военного переворота 1980 г. будет отменена. Кроме того, количество членов Конституционного суда Турции увеличится с 11 до 17. С точки зрения лидеров правящей ПСР, эти поправки положат конец ситуации, когда существовала возможность отмены демократического выбора граждан с помощью Конституционного суда или армии. Кроме того, суды потеряли возможность отбирать паспорта у неугодных властям журналистов и политиков, лишая их возможности выехать из страны.

Фактически итоги референдума являются началом демилитаризации Конституции 1982 г., и, по сути дела, меняют основу государственной системы Турции, заложенной еще в 1920-х годах Кемалем Ататюрком. По мнению некоторых экспертов, сам факт проведения референдума подобного характера можно считать конституционной революцией или конституционным переворотом. Мы видим достаточно серьезные изменения также в области внутреннего законодательства, которые в большой степени начинают соответствовать требованиям и стандартам ЕС.

Этот прогресс заметен не только из хода событий внутривнутриполитической жизни, но также отмечается и европейскими институтами – фактически ежегодно с 1999 г. издается отчет о положении в этом государстве с правами человека (последний в 2009 г.). В ряде вопросов Конституция Турции отдает приоритет международному праву перед своим внутренним законодательством. Есть определенный прогресс, заметна тенденция к сокращению числа случаев нарушения прав человека, но, тем не менее, несмотря на эти серьезные изменения во внутреннем законодательстве, мы отмечаем целый блок внутренних проблем общества, которые связаны с нарушением прав человека. В частности, вопросы свободы выражения, проведения демонстраций и т.п.

Но самая серьезная проблема – это вопрос курдов. Сейчас положение курдского народа несравнимо с тем, что было в 70-е годы. Я тогда проходил стажировку в Измире и часто сталкивался с людьми, которые приехали из районов Восточной Анатолии. Мое ухо достаточно быстро привыкло к различным турецким говорам, и по характерному произношению я сразу определял, что человек «нездешний». Однажды в ответ на мое предположение, что он не из этих краев и, более того, не турок, один из

таких неквалифицированных рабочих покачал головой – дескать, да, но только никому не говори.

Курд не мог признать открыто, что он курд. Официальная установка была такова: курды – это горные турки, которые забыли свой родной язык. То есть существование курдского народа полностью отрицалось. Это при том, что знаменитый творец турецкого «экономического чуда» Тургут Озал сам был этническим курдом. Или, допустим, возьмем премьер-министра третьего «надпартийного» кабинета в 1972 г. Ферита Мелена – он тоже был этническим курдом. Но сам этот факт ни тот, ни другой, естественно, не афишировали, но и не отрицали.

Сейчас такого положения нет. Существует и радиовещание на курдском языке, и телеканал, вещающий на курдском языке. В одном из университетов на филологическом факультете даже открыто отделение курдского языка и литературы. Но в целом правительство демонстрирует слишком мало конкретного прогресса в реализации своего собственного плана, принятого в 2009 г. для улучшения положения с правами курдов. В сентябре 2009 г. Конституционный суд запретил прокурдскую Партию демократического общества за «предполагаемую» сепаратистскую деятельность. Десятки ее активистов были лишены права принимать активное участие в политической жизни. Я, кстати, не беру во внимание Рабочую партию Курдистана, которая с 1984 г. ведет активную вооруженную борьбу за самоопределение курдского народа и предоставление независимости турецким курдам и осуществляет боевые действия против подразделений турецкой армии и сил жандармерии. Буквально пять дней назад бойцами РПК было организовано нападение на караулы, при этом 24 турецких военнослужащих погибли. Я беру другой момент, когда, несмотря на то, что идет движение в направлении «как бы признания», продолжает сохраняться дискриминация курдского народа не только в национальном, но и в религиозном плане.

Если вы помните, Лозаннский договор 1923 г., где перечислялись национальные меньшинства Турции, не включал в их число курдов. Почему? Потому что принцип идентичности, который тогда исповедовало турецкое правительство, учитывал не этническую идентичность, а религиозную. Так как курды – мусульмане, они не являются меньшинством. Большинство курдов являются алевитами. Это одно из ответвлений шиизма. Суннитские же служители культа в Турции состоят на госслужбе (это к вопросу о том, что Турция является светским государством). В стране насчитывается около 80 тыс. мечетей, а в каждой как минимум один мулла

и один муэдзин и каждый из них получает жалование из казны. В то же время религиозные служители из числа алевитов лишены подобного статуса. Более того, сами алевиты подвергаются определенной дискриминации со стороны официальных властей, что свидетельствует о несоблюдении права на свободу совести для алевитов. Кроме того, власти не предотвращают акции устрашения против них со стороны турецких националистических организаций, в частности так называемых «серых волков».

Меньшей дискриминации подвергаются другие национальные и религиозные меньшинства – армяне и греки. Но, тем не менее, она имеет место и в отношении них. Греки, кстати, в соответствии с Соглашением об обмене населением, живут только в Стамбуле. Их права ущемляются, в том числе и в религиозном плане. Так, турецкие власти до сих пор не дают Константинопольскому патриархату разрешения на открытие духовной семинарии для подготовки священников. Казалось бы, это не государственное, а частное дело церкви, но, тем не менее, открытие новых или восстановление старых церквей – под полным запретом. Естественно, это не совпадает с европейскими стандартами.

Достаточно широко используется так называемое «антитеррористическое» законодательство. Особенно в больших масштабах оно применяется в отношении прессы. Так, в прошлом году главный редактор одной курдской газеты был осужден на 166 лет. А знакомый мне лично известный политический деятель, лидер Рабочей партии Догу Перинчек, находится под следствием – ему грозят где-то 625 лет. 16 августа его сын вернулся из России в Турцию, а на следующий день его уже арестовали, и сейчас он находится в стамбульской тюрьме вместе со своим отцом.

Итак, 166 лет тюремного заключения – за что? За то, что он публиковал в газете нежелательные сообщения. Турецкие власти расценивают любую информацию о ходе судебного разбирательства по уголовному делу как раскрытие тайны следствия, а если сообщается о демонстрации, то это рассматривается как подстрекательство, если же пишется о боевых действиях в Курдистане – это уже терроризм. Курдский журналист ничего не взрывал, но против него были выдвинуты 103 обвинения в терроризме.

Очевидно, нынешний режим поставил себе целью взять под контроль ведущие СМИ, и делает это достаточно методично и постоянно. В отношении СМИ существуют достаточно широкие ограничения. Власти контролируют Интернет, ограничивая тем самым свободу информации.

Это один аспект. Другой аспект связан с возможностями создания политических партий и ограничением компетенции судебных органов в отношении их закрытия.

В 2008 г. Турция стояла на пороге крупного внутривластного кризиса. Дело нынешней правящей партии, инициированное прокурором Кассационного суда Абдурахманом Ялчинкаем, рассматривали в Конституционном суде. Прокурор требовал запретить Партию справедливости и развития как использующую религию в политических целях и отстранить от политической деятельности 73 человека. В их числе были нынешний президент Турции Абдуллах Гюль и премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган. Именно это событие и толкнуло ПСР на проведение конституционного референдума в 2010 г.

Как уже отмечалось ранее, по результатам референдума 2010 г. были введены ограничения компетенции судов в отношении возможности судебного запрета деятельности политических партий, что свидетельствовало о следовании европейским стандартам в области соблюдения гражданских прав и свобод. Если оценивать нынешнюю ситуацию в целом, то стоит отметить, что идет процесс демократизации турецкого общества (хоть он отнюдь не линейен в своем развитии).

Можно добавить, что нынешнее положение дел, когда Эрдоган находится во главе правительства, при благоприятных для него обстоятельствах, может продлиться до 2025 г. Хотя в соответствии с партийным уставом для Эрдогана нынешнее премьерство является последним, но Партия справедливости и развития нацелена на введение в Турции президентской формы правления, при которой президент получит право избираться на два срока. Дважды по пять лет – это десять, и вслед за окончанием пребывания на посту премьера в 2015 г. может последовать избрание президентом, но уже в соответствии с новой Конституцией, которая к тому времени будет уже принята. Сейчас уже в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) создана и работает четырехпартийная конституционная комиссия под председательством спикера ВНСТ Джемиля Чичека. Принятый проект будет выставлен на конституционный общенациональный референдум.

Тем не менее процесс демократизации будет продолжаться, поскольку основной внешнеполитической целью Турции является вступление в ЕС, причем на правах полного членства. Главное, чтобы не обострилась ситуация с курдами на юго-востоке страны. Курды, с моей точки зрения, – это народ, которому «не повезло» в истории. Он проживает ком-

пактно, но пока его соседи создавали свои государства, у него сохранялась традиционная племенная структура. Когда же у курдов начали формироваться идеи становления нации, выяснилось, что их соседи отнюдь не будут способствовать созданию курдского государства. Поэтому если процесс самоопределения курдов пойдет дальше, то, как это ни печально, на повестку дня может встать вопрос о сохранении целостности самой Турции. В этих условиях для сохранения единого государства потребуется проявить государственную мудрость и способность идти на компромисс с обеих сторон. Перед турецкими правящими кругами два пути: либо расширение демократических свобод и создание условий для ведения диалога с целью разрешения курдской проблемы, либо затянуть гайки, ограничить свободы и попытаться силовым путем ее решить. Но второй путь полностью перекрывает все пути в ЕС. Поэтому «консервативные исламские демократы» из ПСР во главе с Тайипом Эрдоганом, будучи прагматиками, вероятнее всего, предпочтут первый путь. Поэтому у вопроса гражданских свобод есть хорошие перспективы.

Что же касается прав женщин-мусульманок, то в настоящее время они могут появляться в официальных учреждениях в особом мусульманском платке, который в Турции зовут тюрбаном, а в арабских странах хиджабом. Военный режим запрещал ношение хиджаба в присутственных местах. Но сейчас военных, как говорят, «опустили ниже плинтуса». Их позиции, особенно после конституционного референдума 2010 г., существенно ослабли. Имеет место определенная эволюция в отношении расширения прав женщин в турецком обществе. Если мы имеем в виду равенство возможностей в сфере занятости и т.п., то каких-либо писанных ограничений, которые можно было бы трактовать как проявление дискриминации по половому признаку, не существует. Я вам могу сказать, что в Турции у женщины возможностей занять приличное место в какой-либо структуре значительно больше, чем у нас, в России, позиционирующей себя в качестве полноценного европейского государства.

Если говорить о таком событии, как визит президента Турции Абдуллаха Гюля в Египет, то оно объясняется не только тем, что Турция является государством – членом Организации «Исламская конференция», но и тем, что Турция возвращается назад, к временам Османской империи.

Поясняю. Министр иностранных дел профессор Ахмед Давутоглу в свое время написал труд под названием «Стратегическая глубина», являющийся сейчас настольной книгой для каждого турецкого дипломата. В своей работе Давутоглу говорит о том, что, как у России существуют

свои интересы в Центральной Азии, так и интересы Турции и ее влияние должны распространяться на те территории, которые ранее входили в состав Османской империи.

Ранее я уже говорил о том, что сегодня во многих мусульманских и арабских странах Турция рассматривается как модель развития, которую принимают. Почему? Да потому что Турция не только претендует на какие-то позиции и влияние, но и может подкрепить материально свои претензии. Чтобы оказывать свое влияние на какую-то определенную территорию и иметь союзников там, вы должны быть экономически крепкими. Турция на сегодняшний день является именно таким государством.

Что такое исламская демократия и как позиционируют себя турки? Под сомнение светский характер Турции не ставится, но характер управления еще со времен Мустафы Кемаля Ататюрка достаточно своеобразен. Это своеобразие заключается в характере отношений государства и религии и его нетрадиционном понимании. Если, скажем, в Советском Союзе религия была отделена от государства, а школа от церкви, то в Турции ислам изначально находится под контролем государства (но не армии!). Существует Управление по делам религии. Армия стала частично наступать на позиции ислама где-то после 1926 г., когда Ататюрк, говоря современным языком, «зачистил поляну» от тех, кто был «не с ним». Кемалистская элита хотела поставить ислам на службу государству, и все это у нее, на первый взгляд, получалось. Дело дошло до того, что теологический факультет Стамбульского университета в 1930 г. был закрыт по причине отсутствия студентов. Но фактически секуляризация осуществлялась лишь в больших городах, но даже и там ислам продолжал существовать и действовать в латентной форме.

Поэтому, когда в Турции в 1945 г. была введена многопартийность и появилась настоящая политическая конкуренция, то сразу же на первый план вышла борьба за голоса электората. А кто имеет на избирателя серьезное влияние? Мулла. Поэтому начиная с 1946 г. мы наблюдаем непрерывный процесс возвращения ислама в обычную жизнь.

Политический ислам возникает в 1970 г., к тому моменту для его появления не только созрели идейные и духовные предпосылки, но и существовал материальный базис. Возникает анатолийская буржуазия, с ней конкурируют измирская и стамбульская (тогда как Анкара – это в основном город чиновников). Анатолия стремится занять место под солнцем в борьбе за свои интересы. Так родилась происламская политическая

партия – Партия национального порядка во главе с патриархом политического ислама Неджметтином Эрбаканом.

Если и существует перспектива вступления Турции в ЕС, то она достаточно далекая. Мы не можем давать долгосрочный прогноз, так как может случиться так, что через десять лет данного союза уже и не будет. В настоящее время Германия предлагает Турции привилегированное партнерство, но последняя от него отказывается. Для Турции даже само понятие какого-то привилегированного партнерства является полным абсурдом, ибо она с 1995 г. является членом таможенного союза с ЕС. Поэтому она отвергает этот «дар данайцев».

Тем не менее вступление в ЕС для нынешних властей Турции – своеобразный маяк, в направлении которого они ведут государственный корабль Турции. И Эрдоган, и его партия принимают меры по демократизации и либерализации правового режима в стране, с 2003 г. принято уже девять пакетов реформ, исходя именно из такой перспективы.

Скорее всего, кемализм как идеология постепенно уйдет в тень, а впоследствии и будет вычеркнут, иначе сам факт значимой его роли в общественной жизни превращает Турцию в идеологическое государство, а мы с вами знаем, что руководящие либеральные принципы европейских государств отрицают возможность существования официальной государственной идеологии.

В этом смысле шесть кемалистских «стрел», шесть принципов кемализма уходят. Так, «приказал долго жить» принцип этатизма – больше нет государства в экономике. Принцип национализма, или, иначе, туркизма, также изменяет свое содержание. Вводится новое толкование: если сейчас говорят о том, что всякий, проживающий в турецком государстве, является турком, то толкуют это не как этническую характеристику, а как гражданскую.

Если Турция захочет сохранить территориальную целостность, ей волей-неволей придется признать существование других национальностей на ее территории, в том числе и курдов, которые составляют более 20% населения. В случае выполнения этих задач Турция сделает еще один серьезный шаг в развитии демократии и соблюдения международно-признанных прав человека.

Глава 2. Права человека в арабском мире

Р.Г. Ланда

Начну с того, что «арабская политическая весна» 2011 г. только в Ливии и Сирии принесла убытков на 55 млрд долларов. Социальные волнения в этих странах, а также в Египте и Тунисе, где они были более быстротечны и не столь разорительны, а также – в Алжире, Марокко, Иордании и на Бахрейне, где они, вследствие разных обстоятельств и причин, почти молниеносно прекратились или же, как в Йемене, постепенно затухают, еще не стали предметом внимательного изучения, тем более – глубокого исследования. Но можно по этому поводу высказать некоторые замечания и даже подвести предварительные итоги.

И у нас, и на Западе, а также в официальных высказываниях некоторых участников и особенно лидеров «арабской политической весны» доминирует убеждение, что события 2011 г. в арабском мире – это, несомненно, рывок к свободе, своего рода демократические революции, целью которых является свержение тоталитарных режимов. И это правда! Но далеко не вся. Посмотрим, к чему привели эти события.

В Тунисе и Египте, где диктатуры Бен Али и Мубарака были сметены почти молниеносно, наблюдается нечто вроде застоя. Правящая элита этих стран, избавившись от одиозных правителей и их ближайшего окружения, явно не желает продолжить курс на формально провозглашенную демократизацию и, тем более, на демонтаж прежней системы управления, существенной частью которой она была и остается. Роспуск старых правительственных партий – это, безусловно, уступка требованиям народа. Но ее не стоит переоценивать. Ни в Египте Мубарака, ни в Тунисе Бен Али партии не были основой режима, роль которой играл госаппарат, тесно связанный с верхушкой буржуазии и высшим офицерством армии и спецслужб. Партии – это своего рода политический декорум, который можно сменить, причем в Тунисе правящая партия деградировала до такого состояния именно при Бен Али. Пока что и в Египте, и в Тунисе положение неясное, неустойчивое, явно переходное. Но надежд на действительную демократизацию и уважение прав человека в этих странах чрезвычайно мало, особенно в Египте, где весьма сильны и влиятельны буржуазно-бюрократическая олигархия («жирные коты»), включающая верхушку армии, с одной стороны, «братья-мусульмане» и прочие, более радикальные, исламисты – с другой. И те, и другие озабо-

чены проблемой дележа власти и богатства, но никак не вопросами создания гражданского общества, демократических свобод и прав человека. Противостоящие им в Египте «вестернизированные» группы интеллигенции и буржуазии, а также левые элементы в профсоюзах и рабочих организациях слишком маловлиятельны, чтобы добиться успеха.

Впрочем, в Тунисе при определенном стечении обстоятельств их успех возможен. Могут при этом сыграть свою роль тесные связи с Францией в области экономики, культуры, образования, подготовки кадров (в том числе военных и полицейских), знакомство очень многих тунисцев, прежде всего предпринимателей, интеллигентов, служащих, учащейся молодежи, с политической культурой и практикой Франции, а также относительная умеренность позиции исламистов Туниса, лидер которых Рашид аль-Ганнуши выступает против террора, за то, чтобы «понять ценности современного западного общества, такие как демократия и права человека»¹.

Однако в конечном счете многое, если не все, и в Египте, и в Тунисе будут решать армия и бюрократия. При этом в Египте они, скорее всего, будут оглядываться на исламистов (об этом, в частности, говорит и разгон демонстраций христиан-коптов в октябре этого года), а в Тунисе – на светскую интеллигенцию (включая студенчество) и буржуазию. Но какую позицию по отношению к правам человека займут даже самые ярые «западники» и секуляристы из интеллигенции и буржуазии, не говоря уже о военных и чиновниках? Еще в 2007 г. известный тунисский литератор и художник Фуад Зауш сделал вывод из печального опыта соседей страны: «Алжирцы провели эксперимент по демократизации, который привел исламистов к порогу власти». Выступая за «светскую республику, где религия будет частным делом», Зауш подчеркивал: «Мы – не алжирцы, не египтяне и не саудиты»².

Думается, что сейчас, когда во всех арабских странах влияние исламистов намного возросло, позиция секуляристов и «западников» будет еще жестче, ибо они понимают, что действительно свободные выборы, скорее всего, приведут к власти не их, а исламистов. Поэтому они просто вынуждены будут во имя защиты свободы и демократии парадоксальнейшим образом выступать за максимальные ограничения этой самой свободы и демократии. Конечно, и в Египте, и в Тунисе, и в других

¹ The Middle East and North Africa. 2000. P. 7.

² Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008. С. 133.

арабских странах есть свободомыслящие люди левых и либеральных убеждений, которые действительно хотят свободы и демократии. Но они, сыграв важную роль в пробуждении масс весной 2011 г., не были допущены в коридоры власти и не имеют ныне каких-либо возможностей влиять на нее.

Примерно такова же позиция светских секуляристов и «западников» и в других арабских странах, хотя в каждой из них имеются дополнительные факторы, не способствующие демократизации и уважению прав человека. В Ливии идет открытая гражданская война, которая, вопреки оптимистическим заявлениям лидеров ЕС, далеко не закончена. В этой стране каждый месяц боев повышает накал ненависти и вражды, сплетает в единый клубок идеологические, экономические и военно-политические противоречия с межплеменной, межклановой и межрегиональной борьбой, осложняемой вмешательствами извне держав НАТО и «Аль-Каиды». То же самое НАТО пытается создать и в Сирии, используя трудности этой страны, вызванные не в последнюю очередь противостоянием с Израилем, ростом курдского меньшинства (до 15%) за счет наплыва беженцев из Турции и Ирака, политическим «пробуждением» секты друзов на юге страны и враждебностью Турции, пытающейся заменить влияние Ирана в Дамаске своим и дающей приют у себя деятелям сирийской оппозиции.

Но, судя по всему, перспективы у этой оппозиции отнюдь не радужные. Ее левые элементы прямо говорят, что остальные оппозиционеры, включая созданный в Стамбуле «Совет национального спасения Сирии», это «пособники США, работающие за американские деньги»³. США, кстати, никогда не скрывали своей враждебности нынешнему режиму в Сирии и открыто финансировали его противников, включая исламистов. Они же поощряют Саудовскую Аравию и Катар, стремящихся перессорить суннитов, алавитов, шиитов и христиан Сирии, дабы ослабить ее как главного союзника Ирана. В этой связи неудивительно, что за выход на демонстрацию против властей в Сирии платят 60 долларов, за выход с плакатом – 100 долларов, с автоматом – 300 долларов. Учитывая размер средней зарплаты в стране (100–200 долларов), охотники поживиться всегда найдутся⁴.

Однако большинство пока поддерживает президента и его партию, тем более – после отмены чрезвычайного положения и цензуры прессы,

³ Известия. 2011. 21 сентября.

⁴ Известия. 2011. 23 сентября.

обещания отменить руководящую (по Конституции) роль партии Баас и провести свободные выборы. Население не одобряет террора оппозиционеров против армии и полиции. Кроме того, оппозиция слишком разношерстна: в нее входят живущие за рубежом «западники»-либералы, представители племен (крайне малочисленных в Сирии), коммунисты, курдские автономисты, исламисты. Все они никак не могут найти общий язык. К тому же некоторым из них, как и большинству сирийцев, совсем не по душе ставшие недавно известными планы раздела Сирии между Турцией, Израилем и саудовцами⁵.

Непростая ситуация сложилась и в Йемене, где президент Али Салех уже около года обещает уйти в отставку, но не уходит, опираясь на поддержку армии и шантажируя мировое общественное мнение приходом к власти «Аль-Каиды», с которой он, кстати, давно поддерживает тайный контакт и даже пользовался ее услугами в борьбе со своими противниками. Хотя уход Салеха давно назрел, замена его власти властью «Аль-Каиды», особенно замаскированной, вполне реальна и крайне нежелательна для всех, ибо означает контроль «Аль-Каиды» над стратегически важным проливом Баб-эль-Мандеб. Некоторые эксперты, правда, считают, что главное – это убрать Салеха как союзника Ирана. Неясно только, кого больше не любит «Аль-Каида»: Иран или США?

И тут встает вопрос: чем объяснить потворство США «Аль-Каиде» в Йемене, Ливии, в других местах? В частности, алжирцы давно, хотя и неофициально, но упрекали США в помощи исламистам, начиная с 90-х годов. Ведь, разворошив гнезда исламистов в Афганистане и Ираке, а теперь еще и в Египте, Тунисе, Ливии и Сирии, США ничего не сделали, чтобы им что-то противопоставить. Наоборот, они постарались свергнуть режимы Саддама Хусейна, Мубарака, Бен Али, Каддафи, которые при всех их пороках все же были преградой на пути исламизма. И тут невольно закрадывается мысль о «новой стратегии» США: будучи не в силах справиться с исламизмом, они решили тайком его поддержать, используя для давления на Европу и Россию (чтобы не были слишком «строптивы») в надежде на то, что исламисты не решатся повторить налет 11 сентября, проявят «сообразительность» и удовольствуются нападениями на более близких противников.

Если это так, то вопрос о «демократизме» арабских так называемых революций 2011 г., об их нацеленности на обретение свободы и прав че-

⁵ Известия. 2011. 4 октября.

ловека отпадает сам собой. Этими лозунгами было очень легко всколыхнуть арабский мир и добиться устранения устаревших, с точки зрения Запада, слишком засидевшихся или скомпрометированных правителей с целью замены их менее значительными и более послушными личностями, которые не будут «строптивы» как Саддам, Каддафи или Асад. Но эта операция или не доведена до конца, как в Тунисе и Египте, или же затянулась и грозит провалом, как в Афганистане и Ираке, или же проваливается у нас на глазах, как в Ливии и Сирии. Но, может быть, это и входит в планы Запада: погрузить арабский мир в пучину гражданских войн, мятежей и хаоса, дестабилизировать его политически и идейно, тем самым превратив в удобное поле международных интриг, маневров и провокаций, а также в бессильный объект новоколониальных поползновений и военных авантур?

И последнее. Демократические свободы и права человека могут существовать в современном развитом обществе, социально-экономические субъекты которого взаимосвязаны, взаимозависимы и просто вынуждены уважать интересы друг друга. Этого нет и не может быть в обществе патриархальном и традиционном, где социально-экономические субъекты не обладают равными возможностями, а общество строится по иерархическому принципу. Это относится и к раннему капитализму XVIII–XIX вв., в котором еще не было гражданского общества. Хотя идеалы его и провозглашались, но ни свобод, ни демократии в полном смысле слова не было вплоть до второй половины XX в., а кое-где и позже. Современное восточное, в том числе арабское, общество в значительной мере напоминает Европу XVIII–XIX вв., но в тесном симбиозе (а кое-где и синтезе) с укладами патриархальной общины и кланового бытия кровнородственных структур, иерархий феодального или полуфеодального, а иногда даже рабовладельческого характера, а также еще неизжитых многообразных форм хозяйственной эксплуатации и социального подчинения, которых Запад и не знал никогда.

В таком обществе человек мыслит категориями не гражданского, а в основном традиционно-патриархального социума, руководствуется в первую очередь не индивидуальными интересами, а установками и постулатами своего клана, рода, племени, этноса, конфессионального сообщества, включая секту или духовное братство. Все эти древние социальные связи (некоторым из которых не одна тысяча лет!) опутывают человека на всем протяжении его многотрудного пути к гражданскому обществу. И пока этот путь не завершен, человек просто не понимает, как он может

быть равен патриарху семьи или клана, вождю племени, священнослужителю, ученому богослову, главе братства или секты, тем более – эмиру или султану. И если его все же заставляют принять участие в выборах, он будет исходить не из своих соображений или интересов какой-либо политической партии, а из того, что подскажет ему отец, старший в роде, вождь, священнослужитель и т.п. И ему совершенно непонятно, что от его голоса простого пастуха, ремесленника или мелкого торговца зависит, быть или не быть тому или другому правителю. Он такого правителя и уважать-то не сможет (поскольку и сам-то себя не очень уважает). В этом одна из главных (наряду и с другими) причин краха всех попыток внедрения на Востоке западных политических институтов. По мнению Арнолда Тойнби, такие попытки только компрометируют эти институты.

Глава 3. Восприятие и понимание прав человека в официальном политическом дискурсе Ливийской Джамахирии

Г.В. Лукьянов

Когда вы успели сделать рабами людей, рожденных свободными?

Омар Ибн аль-Хаттаб

Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?

М. Горький «Жизнь Клема Самгина»

На наших глазах уходит в историю уникальный политический и социально-культурный государственный проект Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, уступающий место новому государству, на данный момент называемому Ливийской Республикой. Это не имеющее аналогов творение лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, будучи официально рожденным 2 марта 1977 г., функционировало с разной степенью успешности в течение 34 лет и прекратило свое существование 20 октября 2011 г. Государство, появившееся по воле политического лидера, исчезло в день смерти своего создателя.

Ливийская Джамахирия стала практическим воплощением политико-философской и геополитической концепции, так называемой Третьей мировой теории, изложенной Муаммаром Каддафи в его Зеленой книге. Столь всеобъемлющее название, олицетворяющее широту помыслов ливийского лидера, подразумевает способность данного идеологического концепта выступать в качестве полноценного конкурента существующим общемировым мировоззренческим парадигмам восприятия социальной и политической действительности¹. Исходя из этого, Третья мировая теория предлагает нам не только определенный набор взглядов и установок, но и конкретные уникальные политико-ценностный язык и дискурс.

¹ Подробнее о концепции Джамахирии см.: Козырин А.Н. Джамахирийская политическая концепция и государственный механизм в Ливии. М.: МГИМО, 1992; Рясов А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов». М.: Институт востоковедения РАН, 2008; Смирнова Г.И. Опыт ливийской революции. Преобразование социально-экономических и политических структур. М., 1992.

Несмотря на бесславный конец «бедуина и брата лидера революции» Муаммара аль-Каддафи и созданного им государства, нельзя игнорировать тот факт, что на протяжении трех десятилетий – периода смены не одного и не двух поколений – созданная им парадигма политико-культурного мировосприятия была преобладающей и даже тотальной для более чем шестимиллионного населения Ливии. И сейчас, когда в условиях новой политической реальности, привнесенной «арабской весной» 2011 г., в Ливии предпринимаются попытки создания нового государственного образования, особое значение имеет то, как ливийцы, родившиеся и выросшие при режиме Каддафи, воспринимают ценности западноевропейского мира, в непосредственной близости от которого в силу географического положения находится Ливия, и исламского мира, частью которого она является по культурно-религиозным и историческим причинам. Дальнейшее развитие Ливии и всего региона напрямую зависит от того, какое государство будет создано здесь (и будет ли оно вообще создано): исламская республика с опорой на Коран и нормы шариата в качестве источника права или ориентированное на светские ценности неолберальное государство.

Права человека как личности являются неотъемлемой частью либерально-демократического политического мироустройства и, как следствие, дискурса, характерного для большинства современных государств. В современном мире о правах человека говорят и думают все и везде, и Ливия во времена правления Муаммара аль-Каддафи не была исключением. Эта тема занимала важное место в политическом дискурсе ливийского государства сразу в двух ключевых смыслах².

Во-первых, тема соблюдения прав человека как важнейшая часть характеристики демократического государства была и остается в понимании большинства авторитарных режимов арабского мира «политическим оружием», направленным против них со стороны развитых западных демократий. Именно поэтому для многих авторитарных государств характерно табуирование данной тематики как для распространения посредством СМИ и иных инструментов информатизации общества, так и использования в бытовом общении путем исключения из повестки дня на всех уровнях социальных коммуникаций. Если же исключить «вредную» тему полностью не представляется возможным, а в условиях раз-

² Под смыслом темы мы понимаем то мнимое или реальное предназначение или значение, которое закладывается конкретной личностью или общностью при ретрансляции понятия в рамках социальных коммуникаций.

вивающегося глобального информационного общества сделать это становится все сложнее и сложнее, то ее упоминание необходимо ограничить. Именно это и было сделано в Ливии в первые полтора десятилетия правления Каддафи (республиканский период, 1969–1977 гг., и первое десятилетие Джамахирии, 1977–1987 гг.) путем ограничения доступа к неофициальным и «неливийским» источникам информации, особенно европейского, американского или советского происхождения. Но такая стратегия относится лишь к тематике прав человека в их западноевропейском и американском понимании, как следствие, необходимо упомянуть и о другом смысле, вкладываемом в данное понятие.

Во-вторых, соблюдение прав человека преподносилось населению Ливийской Джамахирии как уникальная возможность, предоставляемая только ливийцам и никому более. Так, официальной идеологией указывается на «неверное» понимание прав человека в других странах и иных социально-политических парадигмах, делается акцент на единственно правильном определении этих прав, оказавшегося доступным только Муаммару аль-Каддафи, который выполняет сразу несколько всеобъемлющих авторитетных ролей – «лидер революции», «сын пустыни», «отец народа», «автор Третьей мировой теории». Таким образом, используя направленную против себя тему, Каддафи строит модель Джамахирии на своем понимании прав человека и методов их соблюдения, чем отчасти нивелирует действие направленной против него демократической риторики. Сама суть политической системы, предлагаемой Третьей мировой теорией, заключается в защите прав человека от вполне конкретных угроз, имеющих как внешнюю, так и внутреннюю природу.

Права человека и Зеленая Книга

Основным источником для понимания этих угроз, а также места темы сущности и методов соблюдения прав человек в официальном дискурсе, служит концептуальный труд Муаммара Каддафи «Зеленая книга»³. Важность этого документа бесспорна в силу ряда факторов. Несмотря на неформальный характер самой книги, она не является сборником законов прямого действия или кодексом морального поведения в прямом смысле слова, в ней заложена идеологическая парадигма, формирующая ценностные ориентиры и шаблоны мышления и рассуждения отдельного

³ Далее цитирование источника ведется по тексту: Каддафи М. Зеленая книга. М.: Российско-арабский торгово-экономический совет, 2000.

гражданина и общества в целом. Отсутствие формальной конституции страны⁴ лишь повышает роль Книги и делает ее главным источником официальной политической идеи и мысли.

По своей сути «Зеленая книга» – это не столько путеводитель по тому миру, что строит М. Каддафи, сколько словарь, задающий и определяющий сформировавшуюся терминологию общемирового политического языка в контексте его точки зрения. В рамках сравнительно небольшого по объему текста обозначается авторская трактовка ряда конкретных понятий, с помощью которых описывается окружающая политическая реальность и механизмы ее функционирования.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых раскрывает Третью мировую теорию с разных сторон. Во-первых, с точки зрения критики Первой и Второй теорий, речь идет о либерализме и социализме. Во-вторых, с точки зрения установления «истины». В-третьих, с точки зрения конструирования новой системы социальных установок, ценностей и ориентиров для человека и общества.

В *первой части*, названной «Решение проблемы демократии (Власть народа)», автор предлагает свое восприятие и определение таких основополагающих терминов современного мирового политического дискурса, как «парламент», «представительство», «партия», «класс», «референдум», «закон», «пресса». Именно эта часть представляет для нас наибольший интерес, так как именно здесь Каддафи демонстрирует свое намерение придать распространенным и повсеместно используемым словам иное, отличное от принятых в либерально-демократическом и социалистическом дискурсе, значение.

Последовательно излагается модель прямой демократии, т.е. прямого народного самоуправления, в основе которой лежит совокупность политических прав человека и общества на осуществление прямого управления. «Никакого представительства от лица народа. Представительство – это обман», – вот тезис, который проходит сквозь всю эту часть Зеленой

⁴ Со 2 марта 1977 г., когда было объявлено о превращении Ливийской Арабской Республики в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию, и до 2011 г. в этой стране более не действовала старая Конституция и не вводилась новая. Вопрос о введении Конституции поднимался не единожды, но каждый раз от этой идеи отказывались по причине отсутствия острой необходимости и противоречия факта создания подобного документа идеологическим догматам Джамахирии. Подробнее о трансформации конституционного вопроса в Ливии см.: Егорин А.З. История Ливии в XX веке. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

книги и который служит одновременно осью и вершиной всех умозаключений автора.

Парламентаризм, «порочное решение проблемы демократии», является отправной точкой дальнейших рассуждений Каддафи. Борьба партий, классов, кланов и других объединений на выборах или во время референдума приводит лишь к победе одного из акторов. Отдельно под сомнение ставится правомочность института референдума: сама формулировка вопроса, выносимого на «суд народа», и наличие заранее определенных и заложенных вариантов ответа, по мнению Каддафи, сами по себе задают ситуацию, когда выигрывает лишь небольшая группа людей, задававшая вопрос, но никак не большинство участников голосования, служащих инструментом легитимации конкретных решений. Таким образом, любое соперничество в рамках традиционного электорального процесса носит характер видимости и не имеет отношения к реальности. В свою очередь, результатом выборов становится приход к власти конкретной группы людей, желающей реализовать свои эгоистические амбиции и удовлетворить собственные потребности, но никак не непосредственная реализация конкретных программных заявлений или обещаний, данных всему народу. Как следствие, сама процедура выбора народных представителей видится пустой тратой сил и времени, а также, что намного хуже, самообманом общества или акцией намеренного обмана меньшинством большинства.

Единственным способом реализовать право народных масс (как единого организма или совокупности отдельных людей, точного разведения этих понятий у Каддафи нет) на осуществление власти представляется переход от порочной модели непрямой демократии к системе народных конгрессов и народных комитетов. Выступая как институт защиты естественных прав каждого человека, народные конгрессы – это дискуссионная платформа, участниками которой является все население страны, разделенное по территориальному (первичные конгрессы) или производственному признакам (профессиональные конгрессы). В рамках этой платформы каждый участник имеет право равного голоса как при обсуждении всех без исключения вопросов, так и при принятии конкретных решений. Каждый конгресс избирает из числа своих членов народный комитет, члены которого призваны осуществлять управление отдельными отраслями хозяйства. При этом существует вторичный уровень системы конгрессов и комитетов – Всеобщий народный конгресс (ВНК), где совместно работают «руководящие органы народных конгрессов, на-

родных комитетов». Но в отличие от представительного парламента, в системе джамахирийского общества на вторичном уровне, выполняющем, скорее, не управленческие, но координирующие функции, то есть в ВНК работают не представители конгрессов, но все те же члены конгрессов и комитетов, которые осуществляют деятельность и на местах.

В этой же части рассматривается и важнейший для определения интересующей нас темы прав человека, а именно источника правоприменительной практики, вопрос сущности и происхождения закона. Как отмечалось ранее, в Ливии с началом эпохи масс не было официальной Конституции страны, в которой должны были быть закреплены основы политической экономической и культурной системы страны. По мнению многих обывателей, подобную роль выполняла Зеленая книга. На наш взгляд, данное мнение совершенно неверно, потому как Книга закладывала лишь догматы идеологического мышления. От Конституции ее отличает и структура (построенная по принципу «тезис – антитезис – синтез»), она противоречит всем канонам написания Конституции), и форма, и жанр. Но главное отличие заключается в том, что сам Муаммар Каддафи никогда не воспринимал так свой труд, а заложенные в ней тезисы не имели силу закона, являясь, скорее, призывом к действию.

Что же касается самого Основного закона, то, рассматривая эту тему, Каддафи жестко отделяет это понятие от понятия «конституция». Первоначально он вводит жесткую классификацию законов (для нас важно, что предложенная модель идеально совпадает и с восприятием Каддафи прав человека как производной из норм права), в рамках которой подразделяет закон на два вида по критерию происхождения: естественный закон и закон диктаторских орудий. Под последним подразумевается весь набор мировых конституций, «которые опираются исключительно на воззрения господствующих в мире диктаторских орудий правлений, начиная от личности и кончая партией». Принципиальным отличием закона диктаторских орудий, а также основанием для восприятия его как порочного и ущербного, следует считать человеческую природу его происхождения. Основное стремление людей – властвовать, а конституция используется отдельными группами в качестве инструмента оформления в законе легитимности своего правления. В то время как природа происхождения естественного закона объективна – это природные факторы среды (обычай) и божественный замысел (религия). Он категоричен в определении религии и обычая как единственных источников естественного закона, так как они оба воспринимают человека и человеческий со-

циум как единое сущностное целое, коим они являются изначально. Желание одних властвовать над другими, в свою очередь, приводит к разделению общества на множество локальных групп, что приводит к утрате Основного всеобщего закона, данного обычаем и религией, и установлению правления частного закона (Конституции). Как следствие, возникает следующая формула Каддафи: «Религия включает в себя обычаи, а обычай есть выражение естественной жизни народов». Таким образом, основной, или естественный, закон базируется на религии.

Здесь следует обратить внимание на принадлежность ливийской джамахирийской модели, при всех ее уникальных особенностях, к семье исламских арабских социально-политических моделей развития. Это отражается на восприятии системы взаимоотношений между личностью и обществом, месте индивидуальности и коллективности, роли и правах женщины и т.д. Об этом подробнее несколько позже⁵.

Важное место в понимании темы прав человека в Ливии времен правления М. Каддафи занимает джамахирийское восприятие идеи общественного контроля. В противовес институционализированной европейской западно-либеральной концепции гражданского общества, чья задача заключается в осуществлении своеобразного надзора и контроля за деятельностью и ответственностью органов государственной власти, и социалистической модели гипертрофированной роли политической партии в контроле за государством, Каддафи предлагает идею общественного самоконтроля. Исходя из концепта народного управления посредством конгрессов и комитетов, формируемых народом и для народов, декларируется открытость институтов всех уровней перед народом. Взамен институциональной системы предлагается модель неписаного морально-этического кодекса поведения, не подкрепленного ничем, кроме субъективного чувства самосознательности.

Важнейшее право, имеющее стержневое значение для развития всей системы политических прав народа как совокупности людей, в соответствии с Зеленой книгой, – это право народа на смену политического режима в случае, если режим ответственен за нарушение Закона. Эта мысль является краеугольной для политической доктрины Каддафи. С одной стороны, это легитимизация самого правящего режима через объяснения причин революции 1969 г., с другой – это парадигма и образец поведения для других стран и народов, предлагаемая Джамахирией. Ирония

⁵ См. раздел «“Новые” и “старые” права человека в Зеленой декларации 1988 г.» данной работы.

истории заключается в том, что именно этим первоосновным правом народные массы Ливии и воспользовались против режима Каддафи в 2011 г.

Вторая часть, «Решение экономической проблемы (социализм)», представляет собой экскурс в историю развития экономических отношений между индивидами в левоанархистской трактовке⁶. Рассуждая об экономике, Каддафи меняет стиль изложения, отходя от заданной ранее манеры давать определение конкретным понятиям и институтам и переходя к всестороннему раскрытию одного комплексного процесса во всей совокупности явлений.

Третья часть, «Общественный аспект Третьей всемирной теории», продолжает заданную в самом начале книги игру автора с читателем в слова и определения. Принципиальное отличие заключается в том, что теперь Каддафи не столько спорит с принятыми в других традициях определениями понятий, сколько указывает на место и восприятие конкретного элемента в конструируемой им системе. Речь идет о таких базовых понятиях, как «семья», «племя», «нация», но при этом особое внимание уделяется наиболее острым для традиционного общества темам: проблемам образования, женских прав, меньшинств, развлечений.

Когда Каддафи говорит о семье как основополагающей ячейке общества, то он представляет ее не как важный, но обыденный элемент большой системы, называемой социум, где наравне с ней существуют и другие малые социальные группы, выполняющие сходный набор функций. Для джамахирийского общества семья и патримониальные отношения являются образцовой моделью для всех общественных отношений. Роль государства как основного макроэлемента организации человеческого сообщества, напротив, отвергается и всесторонне критикуется. «Прцветающее общество – это общество, в котором человек естественно развивается в условиях семьи, общество, в котором процветает семья, с которой человек связан общими узами», – так Каддафи описывает идеал общественных отношений.

Таким образом, институт семьи, размывающийся в современном демократическом мире или намеренно разрушающийся в большом количестве идеологических авторитарных режимов, в джамахирийской концепции развивался и всячески восхвалялся. Именно сквозь призму семейственности и семейных отношений строится определение и воспри-

⁶ Подробнее см.: Рясов А.В. Указ. соч. С. 242–272; Commentary on the Green Book. Vol. 2. Tripoli, 1991.

ятие таких базовых политических понятий, как племя и нация. Развивая свои рассуждения вокруг треугольника понятий «семья – племя – нация», Каддафи выделяет семейную сплоченность как определяющий фактор и фундамент монолитности племени, а в дальнейшем и нации.

В связи с особой ролью, выделяемой семье, в Зеленой книге возникает отдельное видение особой группы прав человека, посвященных именно семейным ценностям и семейным отношениям. В качестве важнейшего параметра развития семьи предлагается считать компромиссно достигаемый баланс интересов и равенство участников.

Так, одной из ключевых проблем соотношения международного и исламского права в понимании и универсализации понимания прав человека является проблема женского равноправия. Исламская правовая традиция, в силу определенных социально-исторических и культурно-исторических особенностей и факторов развития, имеет отличное от принятого в странах западноевропейской цивилизации восприятие роли и места женщины в обществе. В этом плане подчиненная роль женщины не является неестественным элементом культурно-исторической традиции исламской цивилизации, но в то же время выступает как один из основных спорных или проблемных вопросов в конфликте между модернизаторами и традиционалистами во всех арабских странах.

Опираясь на физиологические и биологические различия между полами, М. Каддафи настаивает на функциональном разграничении мужчины и женщины и признании вытекающей из их уникальности функциональной ценности каждого. Тем не менее необходимость сохранения баланса между либерализмом и традиционализмом в таком сложном составном обществе, как ливийское, приводит к созданию достаточно неоднозначной модели восприятия прав женщин в Зеленой книге. Уникальной женской функцией, присущей только женщине, им признается материнство, которое одновременно является правом и обязанностью любой женщины. Как следствие из этого права формулируется целый ряд специфических для европейского взгляда производных прав:

- право на непринуждение к труду во время беременности;
- право на свободу от равного с мужчиной налогообложения;
- право на свободу от переноса равных с мужчиной тяжестей в период беременности;
- право не соблюдать пост наравне с мужчиной в период кормления ребенка;

- право не осуществлять грязную работу, «губительную для женской красоты, несовместимую с женственностью»;
- право не обучаться «профессии, обрекающей ее на труд, противоречащий ее природе»;
- право на гарантированное государством жилье для матери и ее детей;
- право не осуществлять мужскую работу, а выполнять работу, которая ей подходит.

Отдельно в тексте Зеленой книги признается право этнических меньшинств, не имеющих своего национального государственного образования, на самоопределение и сохранение самобытности.

В самостоятельной главе своего труда Муаммар Каддафи рассматривает такую тему, как образование. Здесь он признает и превозносит право человека на получение образования всех уровней и всех специальностей. Любое ограничение возможностей человека по выбору жизненного пути и получению желаемого образования, чинимое государством с целью известных лишь ему причин, представляется серьезнейшим нарушением прав человека.

В итоге можно говорить, с определенной долей уверенности, что официальный идеологический доктринальный труд Муаммара Каддафи не только охватывает широкий спектр прав человека в общепринятом и оригинальном специфическом значении и вариациях, но и делает их основой для конструируемой реальности мировосприятия. Проблема прав человека и обращение к ней носит совершенно особый характер для джамахирийской концепции: это не «пятая нога для собаки», но несущий фундамент Третьей мировой теории. Не политическая конъюнктура заставляет Каддафи упоминать самые разные права практически на каждой второй странице своего произведения, но желание представить свою реальную политику как направленное движение к одной цели – соблюдению прав. Эти упоминания прав человека гармонично вписываются в повествование и выступают в качестве мотивации к оформлению того или иного постулата.

С другой стороны, нельзя не отметить такой важный, на наш взгляд, вопрос, как сочетание терминов «права человека» и «права народа». Для Каддафи эти понятия нередко тождественны, и это прекрасно видно, когда он говорит о конкретных правах конкретного человека, и тут же переводит тему на исходящее из него право народа как такового. В случае же конфликта интересов благо народа всегда превышает блага отдельного че-

ловека. Ярким примером служит функциональный подход к правам женщины, когда при декларируемом равноправии и признании женщины в качестве равного мужчине актора ее права рассматриваются сквозь призму выполняемого предназначения – рождения и воспитания ребенка. Характерное же для западноевропейской традиции современности формальное признание профессионального равноправия полов рассматривается лишь вскользь и признается нецелесообразным.

Спустя больше 10 лет после публикации Зеленой книги предпринимается новая попытка переосмыслить понимание прав человека и народа, дать новую официальную трактовку, предлагающую компромиссное решение – соотнести «ливийскую трактовку прав человека через права народа» и «классическое» западноевропейское понимание списка неотъемлемых прав и их сущности.

Ливия в системе международных институтов реализации прав человека

В 1988 г. в Триполи Всеобщим народным конгрессом Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии был принят принципиально новый для этой страны документ, при этом продолжавший линию построения нового мировосприятия, начатую М. Каддафи в Зеленой книге. Речь идет о «Великой зеленой декларации прав человека в эпоху масс»⁷ – документе, призванном дать ливийское прочтение тем нормам определения прав человека, которые были заложены в принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека.

Ключевое отличие ливийской декларации от других национальных и международных документов проявляется уже на этапе определения цели ее создания. Так, совокупность международных глобальных и региональных документов, посвященных вопросам прав человека, основывается на утверждении о существовании неких единых стандартов прав человека, которые соблюдались бы всеми странами, правительствами и политическими силами. Целью таких документов становится универсализация конкретных норм, их трактовок и механизмов, так называемой правоприменительной практики. В свою очередь, Зеленая декларация, хотя и имеет целью сближение с общепринятой терминологической ба-

⁷ Великая Зеленая Декларация Прав Человека в Эпоху Масс // Информационный портал «Каддафи.py». URL: <http://kaddafi.ru/z-declar.html>.

зой, направлена никак не на стандартизацию неких понятий, но на конкретизацию исключительных моделей восприятия общепринятых понятий и введение в обиход новых прав и свобод, характерных для ливийской цивилизации в том смысле слова, какой вкладывается М. Каддафи в Зеленой книге.

Таким образом, можно говорить о легитимационной функции этого документа, выражающейся в направленности документа вовнутрь государства для расширения идеологической базы правящего режима. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что создание декларации было и внешнеполитическим актом со стороны руководства Джамахирии. Вызванное необходимостью расширения международных контактов, преодоления кризиса, а также упомянутым выше стремлением обезопасить ливийский режим от культурно-идеологического давления со стороны враждебных зарубежных государств и международных организаций, оно произошло на важном этапе исторического развития Ливии.

Прежде чем перейти к анализу текста декларации, а также истории ее подписания, следует более подробно раскрыть контекст участия Ливии в международных проектах, посвященных правам человека.

Наравне со всеми другими арабскими странами (кроме Саудовской Аравии) Ливийская Джамахирия принимала участие во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁸ Она также ратифицировала производные из нее международные договоры: Международный пакт о гражданских и политических правах⁹, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁰, Международную конвенцию о правах ребенка¹¹.

Стоит отметить, что помимо Ливии последние три документа были ратифицированы лишь еще 11 арабскими государствами. Исключение

⁸ Всеобщая декларация прав человека (принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://un.by/documents/humrights/advoc/intbillpoltex.html>.

¹⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

¹¹ Конвенция о правах ребенка (принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

из общего списка составили арабские государства Персидского залива и Мавритания¹².

Будучи активным участником большинства политических и экономических интеграционных проектов, возникавших как среди арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки, так и в Африке в целом¹³, Ливия продемонстрировала активную позицию при создании региональных документов в сфере проблематики прав человека и правоприменительных практик. Она подписала принятый в рамках Лиги арабских государств в 1978 г. Арабский пакт о правах человека¹⁴ (в 2004 г. ратифицировала и Арабскую хартию прав человека¹⁵), а также стояла за созданием Африканской хартии прав человека и народов¹⁶.

Если обратиться к обозначенным выше региональным международным документам, то налицо окажется определенный конфликт взаимопонимания, формирующийся на почве несовпадения восприятия не только конкретных терминов, но и самих источников этих прав и свобод. Многие эксперты определяют этот конфликт как конфликт соотношения норм международного и исламского права¹⁷. Именно на базе неспособности западных концепций прав человека учесть специфику восприятия этой проблематики исламской традицией, к которой относится Ливия и ее население, и догмами Третьей мировой теории, сложилась фундаментальная необходимость в объективно самостоятельной и уникальной ливийской декларации прав человека. Этот документ должен был отвечать целому ряду условий и совместить в себе классические европейские права человека, нормы исламского права, нормы племенной обычая и догматы официальной идеологии.

На фоне стратегической необходимости создания декларации сформировалась и ее тактическая составляющая. В последовавший после военного столкновения с США в 1986 г. исторический период Ливия ока-

¹² Сапронова М.А. Ислам и государственные структуры в арабских странах. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 44.

¹³ Егорин А.З. Муаммар Каддафи. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. С. 243–264, 326–361.

¹⁴ См.: Сапронова С.А. Указ соч. С. 44.

¹⁵ The Arab Charter on Human Rights // Centre Arabe pour l'Education au Droit International Humanitaire et aux Droits Humains: URL: http://www.acihl.org/res/Arab_Charter_on_Human_Rights_2004.pdf.

¹⁶ Африканская хартия прав человека и народов (26 июня 1981 г.) // Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/prawo/reg/afrika.htm>.

¹⁷ Сапронова С.А. Указ. соч. С. 45–63.

залась на грани крупного системного кризиса джамахирийского общества. При осложнении экономической ситуации, вызванной военно-политическим противостоянием с США и резким снижением торгово-экономических контактов с Европой и соседями по региону¹⁸, в самой Ливии установилось царство террора революционных комитетов, основной задачей которых было сохранение и удержание власти в руках правящего режима. Ревкомы во имя Революции и ведомого только им общественного блага превратили в обыденность практику лишения личности гарантированных ей прав, обоснованную существованием угрозы революционным достижениям. Бесперспективность подобных мер привела к смене политического курса руководства страны¹⁹.

Первым шагом на пути к ликвидации революционных комитетов как основного катализатора антиправительственных настроений стало декларирование стратегического курса на либерализацию политической системы в целом, нашедшего выражение в том числе и в Зеленой декларации прав человека. Именно Зеленая декларация была призвана продемонстрировать населению отказ от репрессивных мер предшествующего периода. Имела она и внешнеполитическое значение, потому как служила символическим сигналом западным странам, говорящим о готовности режима пойти на снижение конфронтации и на определенные уступки в области внутренней политики.

В истории Ливии в конце 80-х годов начались значительные изменения, выведшие эту страну из числа «государств-изгоев» (на время). Зеленая декларация стала первым шагом режима на пути к выходу из состояния самоизоляции, посему ее историческое значение для этой страны и региона в целом ни в коем случае не следует приуменьшать.

«Новые» и «старые» права человека в Зеленой декларации 1988 г.

В контексте изложенных событий следует подробно остановиться на содержании самой Зеленой декларации²⁰ – документа, состоящего из вводной преамбулы и 27 статей.

¹⁸ Подробнее см.: Баргенов В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969–2008). М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 187–230.

¹⁹ Егорин С.А. Указ. соч. С. 300–320.

²⁰ Приведенные ниже цитаты даны по тексту: Великая Зеленая Декларация Прав Человека в Эпоху Масс // Информационный портал «Каддафи.ру». URL: <http://kaddafi.ru/z-declar.html>.

Первоначально авторы исходят из веры в четыре принципа существования прав человека:

1) «права человека, преемника Аллаха на Земле, не могут дароваться кем бы то ни было»;

2) права человека не могут «существовать в обществе насилия и эксплуатации»;

3) «права человека не могут быть гарантированы в мире, где существуют те, кто правит и те, кем правят, где есть власть имущие и этой власти подчиняющиеся, где есть богатые и бедные»;

4) права человека не могут «осуществляться без победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу, а утверждают свою власть и укрепляются на земле, когда народ становится хозяином через народные конгрессы».

Таким образом, при признании общепринятых постулатов о естественности происхождения прав человека и невозможности их соблюдения в условиях жесткого подавления со стороны государства, продвигается идея о правах человека как о цели, которой необходимо достичь путем свершения революции на государственном, региональном и глобальном уровне. Здесь же мы видим обращение к классической революционной парадигме достижения прав человека.

Если обратиться к недавним событиям в Ливии, то случившиеся революционные события по свержению правящего режима М. Каддафи есть не что иное, как следование постулатам Зеленой декларации о возможности получения прав путем «победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу». Этот вывод служит еще одним примером того, насколько политическая культура современного ливийского общества «без Каддафи» основывается на предложенной им модели восприятия прав и обязанностей гражданина.

О каких же конкретных правах человека говорится в Зеленой декларации? Далее мы рассмотрим именно те права, которые предлагают авторы этого документа, выделив их из текста и расположив именно в том порядке, в каком они в нем представлены. Это позволит выстроить шкалу предпочтений, заложенную создателями Декларации в ее официальный текст на формальном уровне последовательного изложения.

Право на осуществление власти. Право, которым обладает исключительно народ, заключающееся в способности народных масс «осуществлять власть непосредственно [...] без представительства [...] через народные конгрессы и народные комитеты».

Право на свободу от «ограничения свободы». Под словом «свобода» понимается право не быть помещенным в тюрьму в том случае, если человек не «представляет опасности для остальных» или не «угрожает их нравственности». Удивительно узкое определение, предлагаемое ст. 2 Декларации, тем не менее, не дает даже малейшего указания на то, кто же принимает решение относительно уровня «опасности» конкретного человека для общества и общественной морали.

Право заключенных на достойное содержание. При этом большая часть ст. 2 описывает особенности тех прав, что имеют люди, все-таки оказавшиеся в тюрьме. В частности, под запретом находятся «наказания, задевающие достоинство человека и угрожающие его жизни – такие как каторжные работы и длительные сроки тюремного заключения», а также «нанесение материального или морального ущерба лицам, находящимся в тюрьме, [...] спекулятивное их использование или производство над ними каких-либо опытов».

Право на свободу передвижения. Данное право выражается в способности свободного передвижения и «выбора места жительства». При этом существует приписка, что данное право реализуется лишь в мирное время.

Право на гражданство. Данное право представлено как «священное», т.е. такое право, которое нельзя отнять и которого нельзя лишить.

Право на свободу слова. Закрепленное в ст. 5 Зеленой декларации право «на открытое высказывание своего мнения» имеет лишь одно конкретное указание на то, где человек способен реализовать возможность его применения. Речь идет о первичном народном конгрессе. Возникает вопрос, можно ли считать это ограничительными рамками пользования данным правом.

Право на организацию союзов, объединений и лиг закреплено в ст. 6 Декларации. Исключение составляют организации, стремящиеся к «монополизации религии и использованию ее для разжигания смут, фанатизма, партийной или иной приверженности и братоубийственных столкновений (ст. 10).

Право на «свободу поведения и личных контактов» имеет ограничение «в случае жалобы одной из сторон». Интерес представляет предмет так называемой жалобы: «если указанное поведение или контакты наносят ущерб обществу, угрожают его морали или идут вразрез с его ценностями». Это еще один пример примата общественных интересов над индивидуальными личностными правами и свободами.

Право на жизнь рассматривается в контексте стремления Джамахирии к отказу от смертной казни. В то же время отмена высшей меры наказания является лишь целью государства, но никак не свершившейся реальностью, признается факт применения смертной казни по обвинению в представлении «угрозы для общества и опасности для его морали».

Право на справедливый и беспристрастный суд закреплено в ст. 9 Зеленой декларации.

Право на суд по Святому закону реализуется в рамках признания особой определяющей роли религии в жизни ливийского общества, что подразумевает распространение норм и правил поведения, имеющих «твердые, не подлежащие пересмотру или изменению правила в лице Религии и обычая» (ст. 10).

Право на труд и выбор вида труда закреплено в ст. 11, 12, 22. При этом действует запрет на наемный труд: «Джамахирийское общество является обществом партнеров, а не наемных лиц». Так, запрещен труд домашних слуг, чей статус приравнивается к рабскому, что считается недопустимым (ст. 22). В то же время человек имеет право на свой труд и его плоды, а полученная в результате собственность неотчуждаема. Неотъемлемость собственности (**право на частую собственность**) может быть нарушена лишь в условиях причинения ею, т.е. собственностью, ущерба общественным интересам. Но и в этом случае предусмотрен институт обязательной компенсации. Исключение составляет земля, которая «не является ничьей собственностью», а находится в пользовании у того, кто готов и имеет желание ее обрабатывать в сельском хозяйстве или скотоводстве. Как следствие, формируется **право на эксплуатацию земли** (ст. 12).

Право на неприкасаемость жилища сочетается с **правом на свободу от аренды**, в основе которого лежит тезис о принадлежности жилища тому, кто в нем живет, и никому более (ст. 13).

Право на «достойную зажиточную жизнь и постоянно растущий уровень здоровья на пути создания общества здоровых людей». Данное определение подразумевает комплекс прав, включающий в себя охрану материнства и младенчества, заботу о стариках и инвалидах, что в совокупности продуцирует уникальное **право на покровительство** (ст. 14).

Естественное **право на учебу и образование** любого уровня для каждого гражданина закреплено в ст. 15.

Право меньшинств на самобытность и наследие подразумевает признание равенства всех людей и безусловное право этнических мень-

шинств на сохранение своей уникальной идентичности и образа жизни. Данное право подкрепляется утверждением о недопустимости подавления и применения силы для подавления расовых, этнических, религиозных и культурных меньшинств (ст. 16, 17).

Право на защиту государства и образа жизни санкционирует применение силы при необходимости защиты народа Джамахирии и его образа жизни (ст. 18).

Право на свободу творчества во всех областях науки и искусства реализуется по двум направлениям: 1) содействие государства в развитии талантов и массовом распространении предметов творчества; 2) препятствование со стороны государства установлению монополий в искусстве и науке (ст. 19).

Священное ***право на воспитание в составе полноценной семьи*** основывается на утверждениях о необходимости наличия полноценных семей (мать, отец и большое количество детей), необходимости материнского кормления и воспитания (ст. 20).

Право женщины на равноправие с мужчиной, реализующееся в частности: в признании института брака как «равноправного соучастия двух равноправных партнеров»; в запрете на повторный брак без расторжения предыдущего (т.е. запрет на многоженство); в установлении официальной процедуры обоюдного добровольного расторжения брака в судебном порядке; в запрете на «лишение детей матери, а матери крова» (ст. 21).

Право обратиться в суд в случае попирания его прав и свобод в целях их восстановления заявлено в ст. 26 Зеленой декларации.

***«Ливия уже никогда больше не будет прежней.
Эра Джамахирии окончена»²¹***

Эти слова были произнесены сыном Муаммара Каддафи Сейф-аль-Исламом во время выступления на государственном телеканале весной 2011 г. Сделанное официально и прилюдно заявление потенциального наследника действующего на тот момент лидера страны о намерении отказаться от идеологической модели развития, на базе которой существовало и функционировало специфическое ливийское государство на протяжении большей части правления Каддафи, можно трактовать по-

²¹ Сын Каддафи рассказал, что эра Джамахирии окончена // Информационный портал «Newsland». 21.04.2011. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/682488/>.

разному. Признание устаревшей самой идеологической парадигмы или отдельных ее частей, элемент политической игры власти с оппозицией, конфликт восприятия роли идеологии старым и новым поколениями политической элиты – версий может быть предложено множество, и все они могут быть доказаны определенным набором фактов. Но, в любом случае, сказанное вскоре воплотилось на деле, когда после смерти Каддафи новые власти уже Ливийской Республики окончательно отказались от всех атрибутов «старого общества» в пользу иных, новых путей развития.

Действительно, в политическом смысле как официальная идеологическая доктрина концепция Джамахирии в Ливии умерла. Но осталась ее «тень». А именно культурно-ценностное наследие учения Муаммара Каддафи. Частью этого наследия является особая роль темы прав человека в публичном дискурсе и персональных убеждениях, с одной стороны, и традиционалистская приверженность обычаю и семейственно-племенной идентичности – с другой. Эти два важнейших фактора политической культуры, всесторонне культивировавшиеся в ливийском обществе режимом Каддафи, относятся к объективной реальности в политическом дискурсе и политической культуре ливийцев в независимости от племенной принадлежности.

Сочетание этих двух ценностных рядов и является крупнейшей проблемой для дальнейшего государственного строительства в Ливии. Складывание новой политической системы осложняется наличием двух образцовых моделей – либерально-демократической и исламской, и объективных факторов в политическом сознании ливийцев. Каждый из ценностных рядов – права человека и семейственно-племенная идентичность – принадлежит к одной модели социально-политического развития, но противоречит другой. В условиях существования такой дихотомии отсутствуют какие-либо институционализированные формы организации взаимодействия, что уже на данном этапе построения новых государственных институтов взамен ликвидированных джамахирийских приводит к неприятию отдельных элементов западноевропейского либерально-демократического государства и усилению конфликтности в ливийском обществе.

Глава 4. Египетский опыт понимания прав человека

В.В. Беляков

Ситуация нынче такая: революция в Египте не только наполовину или на три четверти разрушила режим, но еще и наполовину разрушила государство. В Египте сейчас нет ни Конституции, ни парламента, ни постоянного правительства, ни главы государства. Законы принимает Высший совет вооруженных сил. Под давлением снизу, к тому же, они периодически меняются.

До ухода Мубарака ситуация с правами человека была достаточно сложна. Формально на всех уровнях отмечалось их соблюдение, но стоит отметить, что Египет в течение тридцати лет жил в условиях чрезвычайного положения. В такой обстановке силы безопасности, полиция были абсолютно бесконтрольны, что порождало множество разного рода инцидентов, несмотря на то что существовали государственные и общественные организации, отслеживавшие ситуацию с правами человека.

Однажды, работая журналистом, я попал в весьма забавную ситуацию. Я свободно говорю по-арабски, и мне позвонили из министерства информации, попросив принять участие в телеинтервью с первым заместителем министра внутренних дел – как раз по теме прав человека в Египте. Было это уже почти 20 лет назад, но я запомнил некоторые характерные «пассажи».

Например, такой: «У нас в полиции двести тысяч человек. Все мы люди, и в любой работе бывает брак. Если в нашей работе хотя бы один процент брака, как вы думаете, сколько это – много или все-таки более-менее разумно? Предположим, что последнее. Так вот, один процент от двухсот тысяч – это уже две тысячи нарушений прав человека каждый год».

Второй пример связан с приездом комиссии (американской или европейской, уже не помню) по рассмотрению положения в египетских тюрьмах, что произошло незадолго до того. Тогда ситуация в них была охарактеризована как абсолютно неудовлетворительная. Было много шума в прессе – и не только в египетской. На этот счет тот генерал заметил: «В тюрьме сидят большей частью люди из низших слоев. Мы не должны создавать им условия лучше тех, в которых они живут дома – ставить

им кондиционеры, телевизоры, проводить телефон, иначе такое лишение свободы перестает быть наказанием, согласитесь».

Если в Турции существует проблема курдов, то в Египте есть другая серьезная проблема. Правда, уже не национального плана, а религиозного. Речь идет о коптах. Копты – это египетские христиане, и периодически возникают инциденты, связанные с взаимоотношениями мусульман и христиан.

По моим наблюдениям, все начинается обычно с бытовых конфликтов, которые достаточно быстро перерастают в серьезные столкновения. Надо сказать, что коптское меньшинство очень болезненно воспринимает любой намек на ущемление его прав (равно как все, что может быть воспринято таким образом). Поэтому в ряде случаев копты несколько преувеличивают значимость событий, «раздувают» факты. Понятно, что, и во времена Мубарака, и сейчас, во времена революции, никаких официальных притеснений со стороны властей не было и нет. Более того, роль коптов в египетском обществе непропорционально велика по сравнению с их долей населения, особенно в сферах культуры и бизнеса.

Так, самые богатые люди Египта – коптская семья Савирис (отец и трое сыновей), они уже добрый десяток лет входят в ежегодный список миллиардеров журнала “Forbes”, причем занимают в нем стабильно достойные позиции. До кризиса, немного сократившего их совокупные владения, они оценивались примерно в 35 млрд долларов.

Не все согласны с тем, что проблемы, существующие у коптского населения, можно назвать проблемами в принципе, но, тем не менее, ряд сложностей есть.

Во-первых, недостаточное политическое представительство коптов вследствие того, что они живут рука об руку с мусульманами. Особых христианских кварталов нет. А во время выборов при прочих равных условиях мусульманин проголосует за мусульманина, а не за христианина. В результате в парламенте оказывались всего один-два христианина, не больше. Правда, глава государства имеет право назначить в парламент 10 депутатов. Обычно среди них были 3–4 христианина. В правительстве Египта было 2–3 копта из почти трех десятков министров. Таким образом выражалось стремление властей компенсировать малое число парламентских представителей от египетских христиан. Не раз возникал вопрос о введении квоты для коптов в парламенте, однако эта идея была отвергнута, в том числе и многими коптами, потому что это может вызвать раскол в обществе по религиозному признаку.

Во-вторых, еще во времена Османской империи, в 1856 г., был принят закон «Аль-хатт аль-хамаюни» («Защитная линия»). Кстати, был он принят под давлением европейских держав, в том числе и России. По этому закону получение разрешения на строительство церковью сопряжено с целым рядом сложностей: учитывается потенциальное расположение здания относительно мечети и ряд других параметров, чтобы не задеть интересы мусульман и не спровоцировать их. Окончательное решение о строительстве церкви принимал правитель, и это было гарантией его выполнения. На сегодняшний день этот закон сохранился почти в неизменном виде с одной поправкой: в конце 1990-х годов Мубарак уполномочил выдавать разрешения на постройку христианских церковей губернаторов провинций.

Бюрократия есть бюрократия. Особенно египетская, которой больше пяти тысяч лет. Собрать все подписи достаточно сложно.

Периодически копты без соответствующего разрешения пытаются что-то сделать (надстроить, реконструировать и т.д.). На этой почве и возникают конфликты, так как такого рода действия сразу же доводятся до сведения губернаторов, из которых почти все мусульмане.

Вот один из таких недавних случаев, который вызвал кровавые столкновения – около 36 погибших и 200 раненых, причем с обеих сторон. В провинции Асуан поставили небольшую церковь. По словам губернатора, разрешение на ее строительство получено не было, несмотря на то что копты уверяли в обратном. Церковь разгромили, губернатор отказался ее восстанавливать, и очень быстро стороны начали выяснять отношения при помощи силы.

С другой стороны, когда аналогичный случай произошел весной в Хелуане, маршал Хусейн Тантави, фактический глава государства, приказал уже на следующий день отстроить церковь заново, выделил средства и послал своих солдат-строителей – конфликта удалось избежать именно благодаря таким действиям.

Решение подготовить единый закон о порядке возведения культовых сооружений было принято еще при Мубараке. Эта мысль, кстати, высказывалась не далее как в декабре 2010 г. на заседании только что избранного парламента. Сейчас этот вопрос вновь поставлен в повестку дня. Речь идет даже не о свободе совести, а именно о том, чтобы одни и те же правила распространялись на все культовые здания – и коптов, и мусульман. Но, как известно, правительство сейчас временное, а каким в конце концов станет египетское государство – пока неизвестно.

Эта страна для меня как родная, я проработал в ней долгих 15 лет и всегда внимательно слежу за ее судьбой. У меня сложилось впечатление, что разными путями и светские политики, и особенно военные не дадут возможности исламистам строить государство на религиозной основе. Любопытный момент: все вновь созданные исламские партии публично выступают именно за светское государство, хотя далеко не все египтяне верят в искренность таких заявлений.

Если сравнивать с периодом Мубарака, то настроения в обществе сейчас еще более антиамериканские и антиизраильские, чем прежде, есть и некоторые националистические веяния, а также требования усилить роль государства в экономике.

Египет – страна с быстрорастущим населением и весьма ограниченными ресурсами, поэтому для него очень важны вливания иностранного капитала. То, что Турция уже инвестировала в экономику Египта, составляет около 4 млрд долларов – и на этом поток инвестиций с турецкой стороны определенно не остановится. Относительная близость культур этих двух государств очень важна. Любопытная деталь: в египетском диалекте арабского языка по-прежнему есть турецкие слова, хотя после фактического отделения Египта от Османской империи прошло уже более ста лет. Многие в Египте, включая умеренных исламистов, полагают, что для их страны подошел бы и опыт турецкой политической системы.

Глава 5. Компромисс в политике – слабость или сила?

А.Ш. Кадырбаев

В нашем разговоре о правах человека сегодня часто упоминалась некая «исламистская угроза». Не берусь утверждать, но, по моему мнению, ее опасность сильно преувеличена. Разработан специальный терминологический аппарат, общество воспитывается в условиях некоторого нагнетания обстановки. Потенциальный приход исламистов к власти мы в своих рассуждениях часто связываем с воцарением хаоса и «поножовщины».

Однако в Турции к власти пришли именно те, кого мы можем назвать исламистами – причем законным путем, в рамках светской Конституции.

Потом эти исламисты стали прокладывать дорогу в ЕС. Сейчас они, напротив, несколько дистанцировались от него (во многом из-за сложностей с Грецией), переключив свое внимание на исламский мир. Что мы имеем? За три года (с 2007 г.) экономический потенциал Турции вырос в три раза. Они по темпам развития уступают только Китаю!

«Братья-мусульмане» еще не имеют опыта пребывания у власти, но, как уже было здесь отмечено, они создали достаточно гибкую структуру. Возможно, они не во всем будут считаться с Западом, как делал Мубарак, а чаще считаться со своими интересами. Возможно, некоторые государства (Израиль в том числе) будут недовольны. Но заранее нагнетать обстановку, дескать, трепещите – не совсем разумно. Такие режимы тоже опираются на некую социальную базу.

С другой стороны, не исключено, что просто выгодно игнорировать целую категорию режимов, маркируя их заранее как экстремистские. Наша терминология – все эти «радикальный исламизм» и ему подобное – в какой-то степени это отражает. Почему-то мы не можем назвать его, скажем, революционный или протестный исламизм.

Мы можем считать, что социальной базой, на которую опираются эти движения, являются прежде всего обездоленные и безработные. И потому игнорировать их, дескать, это не желающие трудиться бездельники, уголовники и смутьяны (когда преуспевающие граждане – это честные работники, двигающие экономику вперед).

Но дело в том, что обездоленные – тоже значимая часть общества, и исламистские движения апеллируют именно к этим слоям. Возможно, в конкретно взятых условиях был свой адекватный ответ на существующие в обществе несправедливости. В том числе и в нашем обществе, где сложности были порождены последствиями «буржуазной революции» 90-х годов.

Когда же мы говорим о правах человека в странах арабского мира, когда их режимы «неправовые» при всем их экономическом благополучии – может быть, просто нет других методов? Сейчас коммунистическая идея себя дискредитировала, но, может быть, если несколько утрировать, мы видим некий «марксизм в исламской оболочке»? Конечно, значимость религиозного фактора в этом контексте не позволяет нам называть его таким образом, но тем не менее...

Мы должны попытаться понять. И найти компромисс.

Пример такого компромисса, о котором Вы говорите, есть. Это Рамзан Кадыров. Его люди раньше сражались против российской армии – об этом открыто говорят все руководители РФ.

Этот пример – пока единственный на территории нашей страны, когда удалось договориться с людьми абсолютно других ценностей, абсолютно другой (порой непримиримой!) позиции. С другой стороны, проявить желание найти компромисс могут лишь люди, за которыми стоят какие-то силы. С позиции слабости никто договариваться не будет.

Я знаю, что вы имели в виду, когда говорили о демократических выборах. Действительно, демократическим путем к власти могут прийти злейшие враги демократии (как было в Германии в 1933 г.). Но это вовсе не значит, что необходимо снимать вопрос о компромиссе в политике.

XX в. нас многому научил. Можно было долго стоять, «упершись рогами», подобно некоторым животным, и лишь после истребления десятков миллионов людей получить озарение: существовала же возможность договориться, решить проблему другим путем и не уничтожать друг друга так ожесточенно. Кстати, первая война в Чечне – наглядное подтверждение сказанному, когда еще до начала этой войны президент Чечни-Ичкерии Джохар Дудаев безуспешно пытался выйти на переговоры с президентом РФ Борисом Ельциным. Причем его требования относительно статуса Чечни в России были скромнее, чем те, которые получил и получает сейчас от федерального центра нынешний глава Чечни Р. Кадыров, а в итоге «победоносной войны» в Чечне Россия имеет нарастающие проблемы не только там, но и по всему Северному Кавказу – воору-

женное противостояние антироссийского подполья в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Сразу после войны один непопулярный у нас сейчас руководитель СССР послал телеграмму руководителям социалистической партии Германии, где было написано следующее: если два народа, которые так усердно истребляли друг друга во время войны, будут сотрудничать, то они могут многого добиться. Как видите, и Сталину порой в голову приходили довольно любопытные мысли. Не могу сказать, что мы должны во всем у него учиться, но идея компромисса – разных конфессий, разных ценностей, разных традиций – если исходить из глубоко гуманистических позиций, должна всячески претворяться в жизнь. В том числе с прагматической точки зрения.

Важно только различать, почему те или иные политические группировки, руководствующиеся некой идеологией, проявляют непримиримость.

Глава 6. Арабские революции: прогнозы, ход и предварительные итоги

К.М. Труевцев

Волнения в арабских странах, их спонтанность, размах и возможные последствия явились довольно неожиданными для многих аналитиков.

Я только что вернулся из Одессы, где принимал участие в конференции на тему «Украина и Ближний Восток: проблемы, вызовы и перспективы сотрудничества», организованную Одесским филиалом Института стратегических исследований при Президенте Украины. Следует отметить, что в этом городе, где до независимости Украины не было практически ни одного известного исследователя, занимающегося этим регионом, за последние два десятилетия выросла целая плеяда арабистов, тюркологов и других специалистов по проблемам Ближнего Востока.

Участники этого форума констатировали, что еще в феврале 2011 г., когда они проводили предыдущую конференцию, посвященную проблемам региона, они вряд ли могли себе представить размах событий и их последствия как для самого Ближнего Востока, так и в более широком, сейчас уже можно сказать, глобальном плане.

Надо сказать, они в этом были далеко не одиноки. Когда мы в России анализировали воздействие мирового экономического кризиса на арабские страны в 2008–2009 гг., значительная часть исследователей приходила к заключению, что кризис оказал на государства этого региона гораздо меньшее воздействие, чем на многие другие регионы мира, включая наиболее развитые страны¹.

При этом в качестве наиболее вероятных акторов, способных потенциально радикальным образом изменить политическую ситуацию и добиться свержения существующих арабских режимов, рассматривалась прежде всего «аль-Каида» и другие, как правило, связанные с ней экстремистские организации исламистского направления.

На практике в авангарде выступивших против правящих режимов оказались совершенно иные силы, а их действия оказались совершенно неожиданными не только для исследователей, но, что еще важнее, для тех, кто стоял у власти в арабском мире.

¹ См., например, мою работу этого периода: Труевцев К.М. Экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // *Полития*. 2009. № 3.

Первые волнения в арабском мире начались в Тунисе 24 декабря 2010 г. в окрестностях города Сиди Бусаид, являющегося фактически пригородом столицы страны. В течение недели они охватили практически всю территорию республики и достигли апогея 12–14 января, когда полиция открыла огонь по выступавшей оппозиции, но это только усилило волнения, и президент Зин аль-Абидин бен Али 14 января бежал из страны. Президентом, согласно конституции, был провозглашен спикер парламента Фуад Мебаза, было сформировано временное, по существу, правительство национального единства вплоть до выборов в Учредительное собрание, которые прошли 24 ноября 2011 г. Уже состоявшимся итогом произошедших событий стало не только свержение правившего режима, но и происходящее изменение конституционного строя, поскольку задачей Учредительного собрания является выработка новой конституции.

Волнения в Тунисе вызвали «эффект домино». В Египте волнения, аналогичные тунисским, происходили с 25 января по 11 февраля 2011 г. и закончились не менее драматично – отставкой правительства, а затем и президента Хосни Мубарака с последующим преданием его суду, на котором ему предъявлены обвинения, грозящие смертным приговором. Власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил во главе с генералом ат-Тантави. Так же, как и в Тунисе, была распущена правящая национально-демократическая партия, выборы назначены на конец 2011 – начало 2012 г.

В Алжире беспорядки начались, как и в Тунисе, в декабре 2010 г. и продолжались в феврале – марте 2011 г. В них приняли участие как исламисты, так и оппозиционные берберские партии, однако одной из главных движущих сил было оппозиционное «Национальное объединение за перемены и демократию», проведшее 12 февраля демонстрацию с требованием отставки президента Абдельазиза Бутефлика и отмены закона о чрезвычайном положении.

24 февраля А. Бутефлика издал указ об отмене закона о чрезвычайном положении, который действовал в стране почти 20 лет. Тем не менее полиция и дальше продолжала жестко подавлять выступления оппозиции.

В Иордании первые выступления прошли в середине января 2011 г. Почти сразу манифестанты стали заявлять о политических требованиях, включая отставку премьера Самира ар-Рифаи. 1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство и предложил посты в новом правительстве представителям оппозиции, однако те отказались.

25 февраля оппозиция потребовала проведения досрочных выборов и внесения изменений в конституцию, включая положения, ограничивающие власть короля. Направление предложенных изменений – превращение страны в конституционную монархию.

24 марта оппозиция разбила палаточный лагерь в центре Аммана, потребовала отставки нового премьера Маарифа аль-Бахита, прекращения репрессий и проведения политических реформ. Произошли столкновения демонстрантов с полицией. На следующий день палаточный лагерь был ликвидирован, однако волнения продолжались и в апреле.

Волнения в Йемене начались в январе. 26 февраля о переходе на сторону оппозиции заявили шейхи доминантных на севере страны племенных союзов Хашид и Бакиль². Эпицентром волнений была и остается столица – город Сана, хотя их размах вовсе не ограничивается ею, а охватывает многие части страны, включая традиционно оппозиционный юг.

Уже в марте события достигли одной из кульминационных точек, когда восставшие захватили ряд правительственных зданий. На сторону восставших перешел один из лидеров племенного союза Хашид Салех Мохсен аль-Ахмар, командующий бронетанковой дивизией и сводный брат президента.

26 марта президент А.А. Салех впервые заявил о своей отставке и передаче власти вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади. Для урегулирования внутренней ситуации в Йеменской Республике была создана комиссия Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), выработавшая план, который стал своего рода ультиматумом А.А. Салеху: уход в обмен на гарантии от судебного преследования в отношении него и членов его семьи. Йеменский президент сначала этот план отверг, но уже 11 апреля его канцелярия заявила о согласии.

Тем не менее президент не ушел, а кровавые столкновения продолжались. Еще одной их кульминационной точкой стал конец мая – начало июня. В ходе одного из столкновений 3 июня президент получил ранение и выехал на лечение в Саудовскую Аравию. Несколько раз он заявлял о готовности уйти в отставку и провести досрочные выборы. Тем не менее противостояние продолжалось вплоть до конца ноября 2011 г.

² Достаточно сказать, что президент Али Абдалла Салех вряд ли смог бы занять свой пост и столь долго удерживать его, если бы не опирался на поддержку племенного союза Хашид, из которого сам же и происходит.

24 ноября А. А. Салех наконец подписал в Эр-Рияде план ССАГПЗ, в соответствии с которым он ушел в отставку, передав власть вице-президенту на переходный период в 90 дней, в течение которых должны состояться президентские выборы.

Первые протестные акции в Саудовской Аравии прошли 29 января в городе Джидде, а затем продолжились после ареста учредителей новой политической организации «Партии исламской уммы», причем в протестном движении приняли участие шииты Восточной провинции. Король Саудовской Аравии молниеносно отреагировал на начало протестного движения, выделив многомиллиардные субсидии на социальную поддержку населения и одновременно продемонстрировав решимость жестко пресекать любые действия оппозиции.

На 11 марта в королевстве был назначен «День гнева», но попытки его провести были в зародыше подавлены властями. Однако протестное движение шиитов в Восточной провинции обрело определенный размах и даже усилилось после введения Саудовских войск на Бахрейн.

Волнения на Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. Во время демонстрации оппозиции в столкновении с силами правопорядка погиб человек. На следующий день во время похорон произошла гибель еще одного демонстранта. 16 февраля на Жемчужной площади столицы собрались тысячи бахрейнцев. Они разбили палаточный городок и переименовали площадь по аналогии с каирской в площадь ат-Тахрир (площадь Освобождения).

Волнения продолжались вплоть до 16 марта. В ходе них выдвигались требования политических реформ и отставки премьер-министра.

14 марта 1000 военнослужащих из Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ прибыли на Бахрейн. 15 марта было введено чрезвычайное положение сроком на три месяца. 16 марта на главную площадь столицы были введены войска, при разгоне демонстрации погибло несколько человек, сотни получили ранения. 17 марта были произведены аресты руководителей оппозиции.

18 февраля массовые беспорядки начались в Джибути. Произошли ожесточенные столкновения. Демонстранты требовали досрочной отставки президента, клан которого правит в стране с момента получения независимости. Демонстрации и столкновения продолжались вплоть до 3 марта, сопровождалась арестами руководителей оппозиции. 8 апреля в стране прошли президентские выборы, на которых победу с результатом 80% голосов одержал прежний президент Исмаил Омар Гелех.

В Ливии столкновения начались 15 февраля 2011 г. в городе Бенгази на востоке страны. 17 февраля «День гнева» прошел в ряде крупнейших городов. 18 февраля в ходе столкновений с полицией в Бенгази были первые убитые, а 20 февраля против демонстрантов были применены вертолеты и крупнокалиберное оружие. Несмотря на ввод элитных войск, город вскоре перешел в руки восставших, после чего уже в марте по всей стране развернулась полномасштабная гражданская война.

Перелому в войне в пользу восставших способствовало принятие Советом Безопасности ООН 18 марта резолюции об объявлении бесполетной зоны над Ливией, что было использовано силами НАТО не только для подавления авиации и сил ПВО М. Каддафи, но и для масштабного военного вмешательства на стороне оппозиции.

Силы оппозиции (по некоторым данным, не без участия спецназа ряда стран НАТО) захватили столицу страны Триполи 21–22 августа. Власть в стране перешла в руки оппозиции. 20 октября М. Каддафи был схвачен и убит.

В Марокко народные волнения начались 20 февраля в крупнейшем городе страны Касабланке. Они носили в основном мирный характер, выявив поляризацию в обществе по поводу проекта новой конституции. Противники проекта считали, что перемены, предлагаемые в нем, носят косметический характер и требовали более радикальных реформ структуры власти. Сторонники же полагали, что проект новой конституции достаточно расширяет права и полномочия парламента и премьер-министра.

1 июля 2011 г. новая конституция была принята на референдуме 99% голосовавших при явке 73% избирателей.

Февраль 2011 г. стал началом волнений и в Кувейте. Они начались на северо-западе страны среди гастарбайтеров, выступивших с требованием о предоставлении гражданства, доступа к работе в госсекторе, а затем перекинулись на пригород эль-Кувейта ас-Салибию, где к ним уже присоединились и граждане Кувейта с политическими требованиями. Хотя эмиру в марте удалось частично умиротворить выступления беспрецедентными денежными вливаниями в виде «эмирского гранта», предоставляемого каждому гражданину, в середине месяца волнения возобновились с требованием политических реформ, включая отставку премьера.

31 марта правительство Кувейта подало в отставку. Протесты с политическими требованиями, утихнув весной, возобновились осенью 2011 г.

В Омане беспорядки начались 26–27 февраля в западной провинции Дофар, а затем перекинулись на морской порт и промышленный центр Сохар, а также на оазис аль-Бурейми. Они продолжались вплоть до середины апреля, в ходе них были убитые и раненные.

В Катаре не было уличных беспорядков, тем не менее в Интернете в феврале распространялись обвинения в адрес правящей династии и исполнительной власти и призывы к проведению демонстраций протеста. 3 марта появилось сообщение о предотвращении государственного переворота.

Не стала исключением из общей картины и Сирия. Волнения там начались позже, чем в других странах, 18 марта, в городе Дераа на границе с Иорданией. Уже 19–20 марта начались вооруженные столкновения, перекинувшиеся на Дамаск, Алеппо, Хомс, Латакию и другие города, а также на ряд провинций.

В Сирии действует закон о чрезвычайном положении, на основании которого подавляются любые протестные выступления. Манифестанты, начиная с 20 марта, стали требовать его отмены и суда над теми, кто виновен в расстреле демонстрантов. Политические требования стали нарастать, включая требования радикальных политических реформ, отставку правительства и президента Башара Асада. Кровавые столкновения продолжались в столице и других частях страны в течение всех последующих месяцев 2011 г. и привели к многочисленным жертвам. Фактически они поставили страну на грань гражданской войны³.

Приведенный обзор событий я старался сделать как можно более сухим и отстраненным, дабы максимально убрать из него привходящие оценочные, идеологические моменты, которые либо содержались в самом исходном тексте, либо были внесены в него вольно или невольно из новостных источников, и оставить лишь изложение (по возможности,

³ Данный обзор составлен по хронологии событий в русском и английском вариантах Википедии: [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Тунисе_\(2010–2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Тунисе_(2010–2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Египте_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Египте_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Алжире_\(2010–2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Алжире_(2010–2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Иордании_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Иордании_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Йемене_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Йемене_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Саудовской_Аравии_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Саудовской_Аравии_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Бахрейне_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Бахрейне_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Ливии_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Ливии_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Марокко_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Марокко_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Кувейте_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Кувейте_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_в_Сирии_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_в_Сирии_(2011)); 2011Djiboutian protests wn.com/2011_Djiboutian_protests www.google.ru/search?q=jibuti+riots&ie=utf8&oc=utf8&sq=t&rls. Материалы, касающиеся Омана и Катара, а также часть материалов, касающихся Сирии, Йемена, Саудовской Аравии, Алжира и Иордании, почерпнуты также из ресурса www.golden-ship.ru/knigi/10/pts/polittsunami.AocIDCZxb4HQ8cad=rjt.

хронологическое) событий и фактов. Какие выводы можно сделать из него?

Во-первых, впечатляет размах процесса, охватившего практически все не объятые до того гражданскими войнами и процессами государственного распада арабские страны, за исключением ОАЭ. Не случайно поэтому некоторые наблюдатели идентифицируют этот процесс как «панарабскую революцию».

Во-вторых, не менее впечатляет и хронология, обнаруживающая исторически беспрецедентную синхронность событий в разных арабских странах: региональность их масштаба дополняется тем обстоятельством, что их пик почти повсеместно приходится на февраль – март 2011 г., а еще точнее – на середину февраля – начало марта, т.е. укладывается в рамки трех-четырех недель. Исторические аналогии просматриваются, пожалуй, лишь в трех случаях: 1) революционный процесс в России – Европе 1917–1921 гг.; 2) освобождение африканских колоний в 1960 г., названном на этом основании Годом Африки; 3) революции 1989 г. в Восточной Европе. Однако первые два исторических прецедента все же уступают панарабскому процессу в масштабах свертывания исторического времени-пространства в одну кульминационную точку, и лишь последний схож по времени, но все же уступает по масштабам пространства.

Такая перманентность революционного процесса всегда завораживает и очень часто толкает на путь простейших объяснений, что и происходит в отношении событий в арабском мире.

В-третьих, обращает на себя внимание «неклассичность» развертывания процесса. Мы настолько привыкли рассматривать революционные события по схеме «экономический кризис – социальное недовольство – политический взрыв», что отсутствие первого, экономического компонента заставляет усомниться в возможности неэволюционных политических перемен глубинного свойства.

О том, что глобальный экономический кризис в гораздо меньшей мере затронул арабский мир, чем большинство других крупных регионов, причем это относится не только к богатым нефтедобывающим странам, таким как Ливия и Алжир, не говоря уже о монархиях Персидского залива, но и к странам среднего достатка типа Сирии или Египта, мне уже приходилось писать два года назад⁴, и это тем более верно сегодня, когда накал экономических неурядиц снизился, причем опять же для арабского

⁴ См.: Труевцев К.М. Мировой экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // Полития. 2009. № 3. С. 157–169.

региона в большей степени, чем для Запада, учитывая благоприятную нефтяную конъюнктуру.

Повод для экономического недовольства всегда найдется, и экономические мотивы звучали среди прочих в Тунисе, Египте и даже в Ливии. Примерно так же обстоит дело с социальными мотивами, например, с недовольством наиболее ущемленных национальных или конфессиональных групп, таких как шииты на Бахрейне, гастарбайтеры в Кувейте, кабилы в Алжире или копты в Египте. При всем их значении, не эти мотивы были решающими в ходе выступлений, и не они были в числе основных и главных требований выступавших⁵.

Главным требованием, которое абсолютно доминировало во всех или почти во всех выступлениях, было изменение существующих политических институтов, с той лишь разницей, что в одних случаях оно сводилось и в конечном счете свелось к требованию существенного реформирования структур – прежде всего исполнительной – власти, а в других – приводило и в ряде случаев привело к свержению этой, опять же прежде всего исполнительной, власти.

В-четвертых, совершенно новым для арабского мира и не ожидавшимся, даже не предполагавшимся большинством экспертов и аналитиков еще за два года и даже за год до начала выступлений, был состав участников выступлений и прежде всего тех общественно-политических сил, которые оказались если не авангардом, то, по крайней мере, главными или одними из главных зачинщиков, равно как такой же непредсказуемой оказалась и технология организации выступлений.

В самом деле, кто мог себе представить заранее, что в Тунисе, например, одними из видных участников и организаторов выступлений станут местные рэперы, сохранившие особую популярность и по сей день, что не только там, но и в Египте, на Бахрейне и даже в сохранившей средневековый колорит Санае среди них будет столь много женщин, что в Египте

⁵ Шиитский фактор на Бахрейне превратился в главный довод подавления восстания только потому, что шииты представляют большинство населения страны, поэтому и процентная доля в среде выступавших была наибольшей, и, естественно, произошло переплетение интересов правящего на Бахрейне суннитского клана и правящих групп Саудовской Аравии, ОАЭ и других монархий Персидского залива, где шиитский фактор играет важную политическую роль, а учитывая непосредственную близость Бахрейна к шиитскому Ирану, даже потенциальная опасность прошиитского переворота на этом стратегически важном острове могла повлечь за собой цепную реакцию во всех указанных странах, существенно изменив тем самым и геополитическое соотношение сил в регионе в пользу Ирана.

те мусульмане будут протестовать в одних рядах с коптами, что на Бахрейне, наряду с шиитами, будет достаточно широко представлена и суннитская община, что в Кувейте вместе с негражданами выступят и представители коренного населения, включая членов парламента?

Из примерно тридцати зарегистрированных политических партий Египта восстание поддержала одна десятая часть. Правившая Национально-демократическая партия была его главным противником, салафитская партия «Нур» не поддержала его, подавляющее же большинство зарегистрированных партий оказались практически вне поля народных выступлений.

Главными организаторами и участниками выступлений стали недавно появившиеся на политической арене движения. Среди них выделяются возникшее несколько лет назад «Движение 4 апреля», сформировавшееся на базе забастовочного движения в Хелуане и других индустриальных центрах, а также молодежное движение «Кифая» («Хватит»), аналог украинской «Поры» и грузинской «Кмары» (последняя в переводе с грузинского тоже звучит как «хватит»). Массовости выступлениям добавило участие в них членов до сих пор не разрешенной официально партии «Братья-мусульмане» и ее филиалов. Вместе с тем очевидно, что мусульманское братство не было изначально среди главных организаторов и участников волнений, а присоединилось к ним, ощущая, что политическая инициатива в рядах оппозиции, почти безраздельно принадлежавшая ему в прежние годы, начала переходить к другим силам.

Уже после начала волнений стали создаваться новые политические партии. Всего с весны по октябрь 2011 г. их образовалось около десятка. Среди них выделяется социал-демократическая партия, а также ряд партий левого, либерального и консервативного направления. В своем большинстве они заявляют о себе как об оппозиции – теперь уже военному – режиму, осуществляющему контроль в стране⁶.

Переформатирование политического спектра, появление на его арене новых политических сил, ряд которых изначально оформлялись не как партии, а как массовые общественно-политические движения, стали довольно характерной картиной не только для Египта, но и для других арабских стран, охваченных волнениями. Столь же характерным с приближением выборов становится объединение этих движений, а также вновь образовавшихся партий в избирательные блоки. В этом отношении ны-

⁶ Данные взяты из [List of Political Parties in Egypt, en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt](http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt).

нешний политический процесс в арабских странах напоминает положение в Восточной Европе, начиная с осени 1989 г., позднестроительный Советский Союз, где в ряде республик создавались народные фронты, а в Российской Федерации – рамочное движение «Демократическая Россия». Схожие аналогии просматриваются и с «цветными революциями» на Украине, в Грузии и Киргизии.

Следует отметить и фактор неожиданности, который сыграл и практически всегда играет закономерную роль во всяких политических переворотах: в данном случае речь идет о том, что характер и размах волнений стали неожиданностью не только для аналитиков, но, что более важно, для властей соответствующих стран, на какой-то момент парализовали их способность к адекватному реагированию. В результате мы видим либо паралич власти, как это было в Тунисе и Египте, либо чрезмерное применение силы, которое не дает должного результата.

Важно, однако, выяснить, что именно дало выступающим это преимущество внезапности. Речь идет о технологическом факторе. Если в индустриальную эпоху ключевым являлся захват доминантных стратегических инфраструктурных объектов (достаточно вспомнить фразу В.И. Ленина о телеграфе, телефоне, почтамте и мостах), то в информационную ключевую роль приобретает медийная инфраструктура. В Польше 1970 г. «ксероксная революция» позволила движению «Солидарность» обеспечить информационное опережение до такой степени, что введение чрезвычайного положения уже не смогло остановить обретшей общенациональный размах деятельности оппозиции. В странах Восточной Европы в 1989 г. эту роль сыграл подрыв партийно-государственной монополии на СМИ, прежде всего телевидения.

В арабских странах, где телевидение, как правило, находится под жестким государственным контролем, роль сыграли так называемые «новые медиа» – социальные сети. Это прежде всего относится в Египту и Тунису, которые с подачи блогеров стали называть «твиттерными» революциями, однако и в Сирии, и в Ливии и даже в Йемене социальные сети сыграли одну из решающих ролей в первичной мобилизации прежде всего радикальных молодежных групп, которые практически повсюду и выступили в качестве главных застрельщиков и первичных организаторов выступлений. Остальное доделала улица. Эта технология и первичный, а также и последующий, основанный на ней ход выступлений характерен не только для перечисленных стран, но и практически для всех остальных государств арабского мира.

Глава 7. Постреволюционные аспекты прав человека в арабском мире

Р.С. Бобохонов

По сути, в Тунисе завершилась социальная революция. Огромное количество молодежи (около 60–70%) настолько прониклось европейской культурой, что вызвало к жизни этот процесс. Тунисская модель развития событий была очень похожа на ситуацию во Франции 60-х годов.

Да, произошедшее «подогревало» ситуацию сначала в Египте, затем в Ливии, но то, что произошло в Тунисе – это классический вариант социальной революции.

Я был в этом государстве примерно через два месяца после того. Для меня образ жизни женщин, их поведение всегда были значимыми индикаторами обстановки в мусульманском обществе – а там я обнаружил достаточно активную жизненную позицию со стороны женщин. В маленьком городке девушки пользовались социальными сетями, садились в машину по несколько человек и т.д.

Недавно в Иране некая правозащитная организация при помощи проживающих в Европе иранцев снимала фильм о том, как женщина после долгого проживания в одной из европейских стран приезжает в это государство и сталкивается там с множеством проблем. Стоит отметить, что в Иране женщины обладают большим влиянием, несмотря на то, что это мусульманское общество.

В Тунисе после показа этого фильма была масса откликов. В том числе на этой почве произошло противостояние исламистски настроенной группы и ряда общественных организаций (особенно девушек в их числе). Последняя сторона уверяла в том, что на парламентских выборах не даст исламистам никакой возможности прийти к власти.

Турецкая модель демократии, предлагаемая Египту, подразумевает и такой вариант развития событий, как в турецком обществе. «Братья-мусульмане» уже надевают галстуки, выбирают машины и районы Каира для проживания – но и стараются выглядеть лучше, создавать коалиции с другими группами. Одним словом, система меняется.

В Египте существует проблема совершенно иного плана – межконфессиональных отношений между коптами и христианами-мусульманами.

Тунисская модель меня просто поразила, потому что она повторяет опыт буржуазных революций, хотя, с моей точки зрения, она была социального характера.

Главным локомотивом революции как в Тунисе, так и в Египте была молодежь. Правда, в последнем случае в нее впоследствии включились другие силы, в том числе сторонники Мубарака, спецслужбы, военные и т.д. В Тунисе такая ситуация была невозможна, потому что Бен Али во время своего правления уничтожил всякую оппозицию. Нынешняя молодежь этот вакуум заполняет очень быстро, и, в зависимости от дальнейшего развития событий, может быть, эта модель станет приемлемой и для Египта.

Предлагаемая турецкая модель исламской демократии совершенствуется уже вследствие того, что существует достаточно продолжительное время, правда, она находится еще на стадии развития.

Что касается Ирана, то он тоже предлагает исламскую модель демократии. Правда, она не принимается арабским миром по ряду причин. Первая – борьба между суннизмом и шиизмом в рамках канонов ислама. Вторая – боязнь гегемонии президента Махмуда Ахмадинежада. Третья – Иран является страной политического ислама, однако в реальности населения ислама как такового нет.

Даже в университете – экспортере исламских идей некоторые студенты склоняются в сторону суфизма, который дает возможность не только развиваться, но и уйти в конечном счете на сторону атеизма. Кстати, исламисты категорически против суфизма. В Иране уже более половины населения – атеисты.

Более того, системой выработаны два врага исламского мира – США и Израиль. Если к Штатам отношение меняется, то с Израилем такого не происходит. Будет большой ошибкой, если Израиль начнет бомбить Иран, но как только первая ракета попадет в Иран, страна освободится.

Почему? Существует огромное количество американских и европейских иранских диаспор, и все они в ожидании. В 2009 г. в Иране, по сути, состоялась «зеленая» революция. С 15 мая по 27 декабря произошли массовые протесты во всех городах, в том числе в Тегеране – в основном силами молодежи, особенно женщин. «Смерть диктатору!», «Женщина и мужчина – равны!» и «Освободите Иран!» – эти лозунги главенствовали в течение нескольких месяцев. Потом, правда, протесты были подавлены силами Ахмадинежада.

Послесловие

В.В. Смирнов

Азиатские страны, страны арабского мира представляют огромный интерес для тех, кто занимается сравнительными исследованиями, но для тех, кто не знает восточные языки, это всегда большая проблема. Этот регион представляет большую сложность для тех, кто занимается не просто некими сравнительными исследованиями, но и обращаются к вопросам прав человека. В ходе нашей дискуссии мы пришли к тому, что права человека не являются тем фактором, который способствовал или препятствовал развитию событий в этом регионе.

Меня всегда интересовало, до какой степени права человека как ценность, как практика воплощаются в совокупности с системой мусульманского права. Думается, что роль Запада в этом регионе тоже не стоит возводить исключительно до уровня инструмента дестабилизации ситуации с целью смены режима, установления контроля над нефтяными богатствами. Мы должны иметь в виду – я слежу за социологическими исследованиями, которые проводятся в этом регионе, – что доля лиц, для которых права человека имеют значение, только возросла. Конечно, к таким исследованиям нужно относиться осторожно, потому что мы не знаем, каково понимание этого явления. Тем не менее можно заметить усвоение соответствующего понятийного ряда языком не только интеллигенции, но и молодежи. Эта категория постепенно входит в культуру – как политическую, так и правовую – населения этого региона.

Прогноз – дело неблагоприятное, но, уверен, как бы ни развивались события в этих странах, сама ценность и идея прав человека не утратятся, какие бы режимы туда не пришли. Может быть, даже если к власти действительно придут радикалы и исламисты, это будет скорее способствовать, чем препятствовать этому процессу.

Возможно, стоит задуматься над развитием этого проекта не только качественно, но и количественно. Может быть, на основе частичной малой выборки студентов этих стран, интеллигенции этих стран, обратившись к мировым фондам, попробовать оценить, что происходит с идеями, ценностями, словами, текстами, связанными с правами человека, до какой степени они влияют на внутривнутриполитическую обстановку конкретного региона. В этой связи и наша позиция также может быть полезна, в том числе прагматически, поскольку до сих пор Россия воспринимается как сторонник консерватизма в этих странах, а вовсе не прогрессистская страна.

Препринт WP18/2011/06
Серия WP18
Права человека в современном мире

**Культурные аспекты и правоприменительная
практика в области прав человека в арабском мире**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,7
Усл. печ. л. 3,5. Заказ № . Изд. № 1392

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15